

Турецкие войны России

Энциклопедический словарь

Брокгауза и Ефрона

Экспортировано из Викитеки 19 сентября 2024 г.

Турецкие войны России [1]). — I. *Сношения и войны России с Турцией до Петра I (1475—1689)*. Сношения России с Турцией начались со времени завоевания последней Крыма в 1475 г. Поводом к началу сношений послужили притеснения, которым стали подвергаться от турок русские купцы в [Азове \(I, 235\)](#) и [Кафе \(XIV, 790\)](#). Торговля русских в этих городах, очень деятельная и выгодная в прежнее время, должна была прекратиться. В 1492 г. [Иоанн III \(XIII, 678\)](#) при посредстве крымского хана [Менгли-Гирея \(XIX, 79\)](#) переправил [Баязету II \(III, 247\)](#) грамоту, в которой жаловался на притеснения турками русских. Султан Т. в ответ послал было к московск. царю своего посла, но он был задержан в литовских пределах и по распоряжению вел. князя литовского [Александра \(I, 393\)](#) возвращен обратно в Турцию. После этого Иоанн III отправил в 1497 г. в Турцию своего посла [Михаила Плещеева \(XXIII, 880\)](#), но постоянные сношения опять-таки не завязались. Плещеев отказался исполнить в точности Т. церемониал. Султан поэтому отказался послать своего посла к Иоанну III, но дал Плещееву грамоту, которой охранялись все права и преимущества по торговле русских купцов в турецких пределах. Торговля русских возобновилась. Иоанн посылал к султану жаловаться также и на разбои азовских казаков. При [Василии III \(V, 587\)](#) сношения русских с турками деятельно поддерживались, и великий князь придавал

им, по-видимому, важное значение. В 1513 г. в Константинополь был отправлен послом Алексеев, чтобы установить дружественные отношения между Василием III и султаном [Селимом \(XXIX, 355\)](#). Султан ответил на это грамотой на сербском яз., которой были подтверждены все права русских купцов в Турции, и прислал посла Камана с выражением своей готовности быть постоянно с князем московским «в дружбе и братстве». В 1515 г. был послан из Москвы в Турцию посол Коробов, который добился того, чтобы турки не забирали себе имущества умерших в Турции русских купцов (зауморщин). Коробов имел также поручение заключить с султаном союз против Литвы и Крыма, но Селим это отклонил, обещав прислать нового посла в Москву. Прошел после этого год, другой — от султана не было никаких вестей. Посоветовавшись с боярами, вел. князь отправил в Турцию в 1517 г. дворянина [Голохвастова \(IX, 111\)](#) спросить о здоровье султана. Посол возвратился с обещанием безопасной торговли, но о союзе против Литвы и Крыма не было сказано ни слова, султан только запретил крымскому хану нападать на московские пределы. Крымцы часто нарушали это запрещение. Поэтому как только Василий III узнал о смерти Селима и о восшествии на престол [Сулеймана Великолепного \(XXXII, 32—33\)](#), сейчас же в 1521 г. отправил посла Губина с поздравлением и с жалобой ему на крымского хана, который наговаривал на Москву турецк. султану. Губину поверили в Турции, и крымскому хану снова был послан строгий приказ не

нападать на московские пределы. Вместе с Губиным приехал в Москву Т. посол Скиндер, князь манкуйский, с предложением царю послать к султану доброго человека для заключения крепкой дружбы и братства. Был послан Иван Семенович Морозов, но переговоры не привели ни к чему. После этого сношения с Турцией продолжались, но носили по преимуществу торговый характер. Стали появляться и угрожающие признаки: Турция объявила Казань — «юртом султана», тогда как Москва считала ее «юртом великого князя московского»; Турция искала места на Дону для постройки Т. города. В особенности враждебным отношением к Москве отличался Скиндер, человек, очевидно, влиятельный и не один раз в качестве посла побывавший в Москве. В правление [Елены Глинской \(XI, 599\)](#) отношения Москвы к Турции были мирные; турки по-прежнему приезжали торговать в Москву. Была, правда, попытка со стороны [кн. Семена Бельского \(V, 254\)](#) поднять против Московского государства Литву в союзе с Турцией и Крымом, но попытка эта кончилась неудачей. Бельский отъехал из Москвы и рассчитывал вернуть себе княжество Бельское, а, быть может, и Рязанское. В 1541 г., в правление боярское, когда крымцы двинулись на Москву под начальством Саип-Гирея, с ними были и турки. Последние теперь все чаще и чаще начинают помогать крымцам; отношения их к Москве обостряются, чему немало способствовало завоевание [Иваном IV \(XIII, 681\)](#) Казани и Астрахани. Султан хотя не выступал активно, но побуждал ханов

крымского и ногайских нападать на московские пределы и защищать Казань и Астрахань. В 1556 г. крымский хан двинулся против Москвы. Царь выслал против него дьяка [Ржевского \(XXVI, 670\)](#), который не только прогнал крымцев, но ходил даже на низовья Днепра, к Очакову и разбил здесь турок. В этом походе Ржевскому помогали запорожские казаки. В 1558 г., при новом столкновении с крымцами, на низовья Днепра ходил [Данило Адашев \(I, 166\)](#), опустошил Крым и взял два турецких корабля. Т. султан Сулейман II, занятый другими делами, оставлял пока без внимания все эти успехи московского войска. Наконец в 1563 г. он задумал поход в Астрахань, желая отнять ее у Москвы. Крымский хан отговаривал, боясь усиления турецкого султана на северных берегах Черного моря. До 1569 г. крымскому хану удалось оттягивать Т. поход. Сулейман II умер в 1566 г.; преемник его [Селим II \(XXIX, 356\)](#) поручил ведение похода кафинскому паше Касиму, но поход окончился полной неудачей. Этим не была устранена опасность, грозившая Москве со стороны Константинополя. Желая предотвратить ее, Иоанн IV отправил к Т. султану послом [Новосильцева \(XXI, 295\)](#), который должен был напомнить о прежних дружественных отношениях между Москвой и Турцией и предложить находиться в таких же отношениях и на будущее время. Султан потребовал открытия для торговли астраханской дороги, свободного пропуска купцов в московские пределы и уничтожения кабардинского городка, построенного русскими. В 1571

г. в Турцию был отправлен новый посол Кузьминский, который от имени царя обещал уничтожение кабардинского городка и предлагал союз «на цесаря римского и польского короля, и на чешского, и на французского, и на иных королей, и на всех государей италийских». Союз, однако, не был заключен вследствие того, что султан требовал себе Казани и Астрахани. В царствование Федора Ивановича (см.) сношения с Турцией продолжались. Помимо тех затруднений, которые доставляла Турция Москве своей постоянной поддержкой крымского хана, явились и новые осложнения: донские казаки, считавшиеся московскими подданными, нападали на казаков азовских, ногайцев, которых султан считал своими подданными, и беспокоили их. В июле 1584 г. из Москвы был отправлен к султану Амурату посланник Благов; он должен был объявить о восшествии на престол Федора Ивановича, объявить также, что новый царь освобождает Т. купцов от пошрины и тамги и уладит недоразумения, возникшие ввиду того, что донские казаки — люди беглые и московского царя не слушаются. Главной же целью посольства Благова было снова завязать дружественные сношения с султаном. Переговоры кончились ничем. Султан отправил, правда, вместе с Благовым в Москву и своего посланника Ибрагима, но он отказался вести переговоры о союзе и все свел на вопрос о донских казаках. В 1592 г. был отправлен к султану дворянин Нащокин, в 1594 г. — дворянин Исленев. Султан по-прежнему уклонялся от

союза, все дело сводил на донских казаков и требовал от Москвы свести донских казаков и разрушить крепости на Дону и Тереке. Москва снова утверждала, что казаки — беглые люди, воры и действуют самовольно, без царского ведома. В Турции, по-видимому, этому не верили. При [Борисе Годунове \(IV, 413\)](#) мирных сношений с Турцией не было. Борис помогал австрийскому двору деньгами в его войне с Турцией еще при Федоре: теперь же, сделавшись царем, он помог молдавскому воеводе Михаилу. В [смутное время \(XXX, 584\)](#) слишком было много дела и тревог внутри государства и на внешние отношения обращали мало внимания. Сношения с Турцией возобновились уж после избрания [Михаила Федоровича \(XIX, 482\)](#). Союз против Польши и вопрос о нападениях донских казаков на Т. пределы составляли главный, существенный пункт этих сношений, принимавших то мирный, дружественный характер, то явно враждебный. В 1613 г. к султану Ахмету были отправлены посланниками дворянин Соловой-Протасьев и дьяк Данилов. Они должны были засвидетельствовать султану о дружбе юного царя и просить его послать войско против польского короля. Султан обещал, но не сдержал своего обещания. Поэтому в 1615 г. были отправлены новые посланники — Петр Мансуров и дьяк Сампсонов, с целью уговаривать султана к войне с Польшей, а также и с жалобами на набеги азовских казаков на московские пределы. Приняли послов почетно, тем более, что они сыпали подарками, соболями и пр. На жалобы в Турции

ответили также жалобами на донских казаков. На несчастье московских послов, произошла смена вел. визиря, пришлось задабривать его и его приближенных, и русским послам удалось уехать из Константинополя только после 30-месячного пребывания и притом с самым неопределенным ответом — обещанием послать войско, как только оно возвратится из Персии, с которой у Турции шла в то время война. В 1621 г. приехал из Турции в Москву посланником грек [Фома Кантакузин \(XIV, 312\)](#). Теперь уже Т. султан Осман, предполагая воевать с Польшей, уговаривал московского царя послать против поляков свои войска. В Москве незадолго перед тем было заключено с Польшей [Деулинское перемирие \(X, 500\)](#), и патриарх [Филарет \(см.\)](#) от лица своего сына уверял султана в дружественном расположении московского правительства и обещал послать войско против польского короля, как только он хоть в чем-нибудь нарушит заключенное с ним перемирие. Вместе с Кантакузином в Турцию в 1622 г. были отправлены посланниками Иван Кондырев и дьяк Бормосов. Они застали в Константинополе большую смуту. Султан Осман был убит янычарами, и на его место был возведен дядя его Мустаффа. Янычары бесчинствовали в столице, держали в осаде московских посланников и заставляли их откупаться довольно-таки высокой ценой. В конце концов посланники были отпущены с обещанием султана быть в мире с московским царем и запретить азовским казакам нападать на московские

пределы. Приключения посланников этим не кончились. Донские казаки снова начали свои набеги на Т. землю, и посланников задержали поэтому в Кафе, затем в Азове, грозя их убить. После Мустаффы султаном сделался Мурад IV. Михаил Федорович послал было к нему послов с поздравлением, но крымский хан Шан-Гирей не допустил их и избил. Осенью 1627 г. Мурад сам прислал к царю Фому Кантакузина, бывшего второй раз в Москве. Кантакузин от имени султана поклялся «с великим государем царем Михаилом Федоровичем быть в дружбе, любви и братстве во веки неподвижно, послами и посланниками ссылатся на обе стороны без урыва». Когда же он потребовал клятвы от лица Михаила Федоровича, ему отказали. В ответ на это посольство в 1628 г. в Константинополь были отправлены дворянин Яковлев и дьяк Евдокимов. Отношения с Турцией снова стали портиться благодаря донским казакам. В мае 1630 г. в Москву в третий раз приехал Фома Кантакузин с просьбой, чтобы царь начал войну с Польшей, отправил войско в Персию и унял донских казаков. Но когда русские послы Андрей Совин и дьяк Алфимов в том же году приехали в Константинополь, то оказалось, что султан уже помирился с польским королем. Этим послам также много пришлось претерпеть в пути, их также задержали в Кафе и Азове и грозили смертью. Из Азова послы были выручены только московскими ратными людьми под начальством князя Барятинского. Когда у Москвы началась война с Польшей, в 1632 году

были посланы в Константинополь дворянин Афанасий Прончищев и дьяк Бормосов, чтобы побудить султана к войне с Польшей, но это не удалось. Неуспешна была также миссия в 1633 году дворянина Дашкова и дьяка Сомова. Они, между прочим, узнали, что и польский король сносится с султаном, и последний не прочь заключить с Польшей мир, если условия его будут выгодны. Султан требовал уничтожения польских городов на Т. границе, запрещения запорожским казакам ходить в Черное море, присылки того же самого, что раньше присылали крымскому хану, и заключения мира с Москвой. Султан, по-видимому, хотел играть роль посредника, поэтому, когда на смену Дашкова и Сомова в 1634 году прибыли в Константинополь новые послы — дворянин Коробьин и дьяк Матвеев, — он выразил неудовольствие, что Москва заключила мир, не обославшись с ним. Известие о вечном мире Москвы с Польшей привез в Турцию уж не посол, а в 1636 г. толмач Буколов. В грамоте своей царь объяснял, что он заключил мир поспешно, поневоле, так как ему угрожала большая опасность со стороны крымского хана. Вместе с Буколовым поехал в Москву для торговли, но под именем посланника, Фома Кантакузин. Он остановился на Дону, одарил казаков. Последние в это самое время задумали захватить Азов (1637). Кантакузин был заподозрен в сношениях с азовцами. Донские казаки его убили, а 18 июня 1637 года овладели Азовом и послали к московскому царю известие о своей победе, прося взять Азов под свое

покровительство. Как ни важна была занятая казаками крепость, в Москве перетревожились, к казакам послали от имени царя выговор за то, что они убили посланника и взяли Азов без царского повеления; перед султаном же царь оправдывался обычными фразами, что донские казаки — воры и разбойники и царского указа не слушают, и уверял султана в своей постоянной дружбе и любви. В Константинополе не особенно верили этим уверениям. Осенью крымцы опустошили южную московскую границу, и хан писал, что сделано это по приказанию султана, в отместку за взятие казаками Азова. Султан Мурад думал сам идти на Азов, но персидская война ему помешала. Преемник его Ибрагим I подошел к Азову в 1641 г. с 200-тысячным войском, но взять города не мог, казаки отразили 24 приступа и принудили турок снять осаду. О своей победе казаки дали знать в Москву и просили помощи. В 1642 г. царь созвал земский сбор, на котором большинство членов высказалось за принятие Азова в подданство России и за войну с Турцией. Война, однако, не была начата. Она предстояла трудная, опасная, продолжительная. Царь предпочел поэтому послать казакам указ очистить Азов и возвратить его туркам. Казаки исполнили приказание, но разрушили город до основания. После этого из Москвы были посланы к султану с предложением дружбы дворянин Илья Данилович Милославский и дьяк Леонтий Лазаревский. Они уговорились, чтобы царь запретил донским казакам ходить в Черное море и грабить Т. пределы; султан же

обещал сделать распоряжение, чтобы крымский хан, кафинский паша и азовский князь не нападали на земли московские. С обеих сторон хорошо понимали, что это — одни только слова. Московское правительство в ожидании серьезных столкновений с Турцией стало поднимать вопрос о союзе с Польшей против крымцев и турок. Об этом заговаривали послы Стрешнев и Проестев, отправленные в 1646 г. к польскому королю с поздравлением со вступлением в новый брак; об этом велись переговоры с [Адамом Киселем \(XV, 155\)](#) во время его приезда летом того же года в качестве польского посла в Москву. Позже в 1667 году при переговорах о заключении с Польшей Андрусовского договора был поднят также вопрос о союзе Польши с Москвой против турок, но поляки отклонили его: они боялись, чтобы в виде мести за союз турки в то время не напали на их пограничные земли. Опасность, грозившая Польше со стороны турок, приняла грозные размеры благодаря украинскому гетману [Дорошенко \(XI, 60\)](#). Его решение поддаться Турции привело к тому, что в 1672 г. турки перешли в Заднепровскую Украину. Султан [Магомет IV \(XVIII, 335\)](#) отправил туда 300000 войска, которое весной перешло Дунай. Первая битва между турками и польскими войсками вместе с верными Польше казаками под начальством гетмана Ханенка произошла при [Батоге \(III, 175\)](#), при чем поляки были разбиты наголову. В августе того же года турки вместе с крымскими татарами завладели Каменец-Подольском, перебили массу жителей, других

увели в рабство, церкви и монастыри обратили в мечети. Ожидали дальнейших ужасов Т. нашествия, но Магомет IV не двинулся дальше и вскоре повернул назад. Тем не менее, Т. нашествие произвело панику в Москве, где очень боялись вторжения турок и в левобережную Малороссию, подвластную Москве. На союз с Польшей нечего было рассчитывать, так как поляки заключили с Турцией мир под Бучачем, уступили туркам Подолию и обязались платить им по 22 тыс. червонных ежегодно. В Москве решили не дожидаться вторжения турок, а предупредить его, и с этой целью было приказано князю [Ромодановскому \(XXVII, 85\)](#) и гетману [Ивану Самойловичу \(XXVIII, 214\)](#) двинуться к Днепру и перейти на правую сторону его. В первый раз, в 1673 г., царские войска не дошли даже до Днепра, так как на левом берегу его появились татарские отряды. Из-под Лубен Ромодановский вернулся назад. В следующем 1674 г. Ромодановский с Самойловичем возобновили поход против Дорошенка. Царские войска перешли через Днепр, взяли Черкассы, подошли к Чигирину, опустошили все окрестности города, но взять его не могли. Во время осады пришло известие, что крымский хан и Т. войска идут на помощь Дорошенку. Ромодановский и Самойлович отступили к Черкассам; когда туда же подошли Дорошенко и хан крымский, Ромодановский и Самойлович сожгли город, а сами переправились на вост. сторону, т. е. в левобережную Украину. Поляки прислали послов с убеждением продолжать военные действия вместе с

польскими войсками, но Ромодановский и Самойлович не согласились на это. В 1675 г. московские войска снова пошли против Дорошенка. Это движение нагнало большой страх на правобережную Украину, так как турки и татары не были расположены на этот раз помогать Дорошенку. Серьезных действий московские войска не предпринимали, главные их силы даже и не переправлялись за Днепр и скоро возвратились назад, Ромодановский ушел в Курск, Самойлович в Батулин. Тем не менее поход имел решающее значение: Дорошенко окончательно передался на сторону Москвы. Но затруднения для Москвы в правобережной Украине и возможность для нее войны с Турцией этим не кончились. Вести ее пришлось уже новому царю Федору Алексеевичу. Когда Дорошенко уехал в Москву, Т. султан провозгласил на место его гетманом Юрия Хмельницкого, находившегося у него в плену. Желая добыть для него гетманство, султан отправил в правобережную Украину Ибрагима-пашу, который подошел вместе с Юрием Хмельницким к Чигирину и осадил находившийся там московский отряд под начальством ген.-майора Трауернихта. Вскоре на помощь туркам пришел и крымский хан. В конце августа к Чигирину подошли Ромодановский и Самойлович. В одной стычке русские отряды одолели турок и татар и настолько устрашили их, что они сняли осаду и на другой же день ушли из-под Чигирина. Убедившись, что неприятель совсем ушел, Ромодановский и Самойлович в начале сентября

возвратились в левобережную Малороссию. По настоянию Ромодановского и Самойловича Чигирин был укреплен и сделан оплотом против будущего нашествия турок. Воеводой в Чигирин был назначен И. И. Ржевский. Он взял с собой довольно значительный отряд войска, много запасов хлеба, пороха и оружия. Нашествие турок не заставило себя долго ждать: в июле 1678 г. они появились под Чигирином. Ромодановский с Самойловичем хотя и пришли заблаговременно на выручку Чигирину, но действовали медленно и нерешительно. Пользуясь этим, турки взорвали Чигирин, истребили бывший там московский и казацкий отряды, сожгли и разрушили город до основания. Ромодановский и Самойлович покинули Чигирин на произвол судьбы и возвратились к Днепру. Ромодановский был отозван в Москву, Самойлович же остался один на правой стороне Днепра. Сам он скоро возвратился на левый берег Днепра, сын же его Семен выжег на правой стороне все села, города и местечки, чтобы неприятельским людям впредь пристанища не было. Турки ушли раньше этого времени, сейчас же за сожжением Чигирина (см. [Чигиринские походы](#)). В Москве очень боялись их нового похода, и чтобы предупредить его и нашествие крымского хана, в декабре 1678 г. в Константинополь был послан дворянин Даудов с предложением восстановить дружественные отношения. Гетман Самойлович, с которым снеслись по этому поводу, также сочувственно относился к мысли о заключении мира с Турцией и

Крымом. Сочувствовали миру и в Турции. Осенью 1679 г. Даудов возвратился назад с грамотой от великого визиря, который требовал для переговоров о заключении мира присылки особого посла и предлагал, с своей стороны, отправить посланника в Крым для ведения мирных переговоров. В конце 1679 г. в Крым к хану Мурад-Гирею были отправлены из Москвы Сухотин и дьяк Михайлов, но это посольство кончилось ничем, так как дьяк Михайлов своевольно оставил Сухотина и уехал в Москву. В августе 1680 г. были посланы стольник Василий Тяпкин, побывавший раньше в Польше и довольно уже опытный дипломат, дьяк Никита Зотов и малороссийский писарь Семен Ракович. После долгих усилий, причем хан грозил им пытками, посланники заключили договор на следующих условиях: перемирие должно продолжаться 20 лет, начиная с 3 января 1681 г.; границей должна быть река Днепр; хану по старым росписям дается казна сразу за 3 года, а затем ежегодно; в течение 20 лет местность между Бугом и Днепром должна оставаться впусе; султан и хан не имеют права строить там и возобновлять города, заводить новые поселения; зато татары имели право кочевать и промышлять на обоих берегах Днепра, равно как и малороссийские казаки, которым разрешалось за промыслами ездить до самого Черного моря; Киев с прилежащими местечками, городами и селами, Васильковым, Трипольем, Стайками ниже Киева и Дедовщиной и Радомыслом выше, должны оставаться во власти Москвы; запорожские

казаки считаются на стороне Московского государства, и султану с ханом до них не касаться; титул царский должен быть написан правильно, произведен размен пленных или выкуп их, и, наконец, султан и хан не должны были помогать неприятелям царским. Мирный договор, заключенный в Крыму, нуждался в утверждении турецким султаном. С этой целью в 1681 г. в Константинополь отправился дьяк [Возницын \(VI, 900\)](#). В Турции не согласились только внести в договор пункт, по которому Запорожье считалось принадлежащим царю московскому. Возницын не хотел было признавать договора без этого пункта, но в конце концов, по совету патриарха константинопольского, признал, и в Москве были очень довольны этим мирным договором. При царице [Софье \(XXX, 958\)](#) отношения России к Турции принимают новый характер. Россия начинает наступательные действия на Т. владения (Крым), тогда как до тех пор действия ее носили оборонительный характер. Поводом послужило присоединение России к священному союзу против турок, заключенному в 1683 г. польским королем Яном Собеским и императором австрийским Леопольдом. К союзу пристала Венеция, а покровителем союза был провозглашен папа Иннокентий XI. Союзники мечтали даже изгнать турок из Европы и решили привлечь к союзу других государей, в особенности же царей московских, у которых был заключен мир с турками. В 1684 г. в с. Андрусове начались переговоры об этом и длились почти два года. Россия соглашалась пристать к

союзу, но под условием уступки в вечность со стороны Польши Киева с Трипольем, Стайками, Васильковым. Долго шли переговоры, долго польские послы не соглашались на условия русских, наконец 21 апреля 1686 г. был заключен вечный мир с Польшей. Польша за вознаграждение в 146000 руб. уступала Киев навсегда России; Россия же обязывалась разорвать мир с Турцией, напасть на Крым и приказать донским казакам сделать то же. В 1687 г. русские войска под начальством князя [В. В. Голицына \(IX, 47\)](#) направились в Крым. С ними шли и малороссийские казаки под начальством гетмана Самойловича. Гетман относился вообще очень неблагоприятно к союзу Москвы с Польшей и неохотно принял участие в первом крымском походе. Поход кончился неудачей и погубил Самойловича. Русские войска не дошли до Крыма. Кто-то зажег степи. Недостаток корма и воды заставил В. В. Голицына вернуться назад. В пожаре степей недовольная гетманом малороссийская старшина обвинила Самойловича, не сочувствовавшего походу; он был свергнут, сослан в Сибирь, а на его место при большом содействии В. В. Голицына гетманом на раде на р. Коломаке был избран Иван Мазепа. Несмотря на полную неудачу похода, любимец Софьи В. В. Голицын был щедро награжден, и свержение Самойловича было даже поставлено ему в заслугу. Весной 1689 г. Голицын с 112-тысячным войском предпринял второй поход в Крым, который окончился также полной неудачей. В. В. Голицын победил однажды крымского хана, дошел даже

до Крыма, но недостаток воды и болезни в войске заставили его без всяких результатов вернуться домой, в Москву.

II. *Время Петра I.* На первых порах Петр, по-видимому, не думал об исполнении священного союза и о новой войне с турками. Греческое духовенство, между тем, настоятельно просило о продолжении войны, указывая на то, что время для нее очень благоприятно. В начале 1695 г. Петр предпринял первый поход на Азов (см.). Часть войска под начальством Бориса Петровича Шереметьева была отправлена к низовьям Днепра; по дороге в Крым к нему должны были присоединиться и малороссийские казаки. Войско же нового строя, полки Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов вместе с стрельцами, числом всего около 31 тысячи человек, под начальством Автонома Головина, Лефорта и Гордона направились к Азову. В этом войске был и сам Петр с чином бомбардира. Не без задержек и затруднений в пути войско 29 июня подошло к Азову. Сидевшие там турки получали съестные припасы и подкрепления морем. Русским при помощи донских казаков удалось только занять две каланчи на Дону, охранявшие выход в море. Поход, в сущности, окончился неудачно, хотя возвращение Петра и было отпраздновано с торжеством. Удачнее были действия Шереметьева и Мазепы на низовьях Днепра, где были приступом взяты Кази-Кермень, Таган, а два другие городка сданы турками русским добровольно. После

первого азовского похода Петр ясно увидел, что без флота нельзя осаждать Азов. Были выписаны из-за границы новые техники и инженеры, и началась постройка судов в Москве, Воронеже, Козлове, Добром, Сокольске. К апрелю — были спущены в воду 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. В мае флот двинулся к Азову. В устье Дона он загородил дорогу Т. кораблям и оставил, таким образом, Азов без защиты. Нападение татар на русский лагерь было отбито, а 16 июня началась осада и Азова, которая продолжалась около месяца. 18 июля 1696 г. турки сдали Азов, выговорив себе позволение уйти из города в полном вооружении, с женами, детьми и со всеми пожитками. Азов был укреплен, мечети обращены в церкви, туда переселены стрельцы и городовые казаки. Петр тогда же осмотрел берега Азовского моря и на мысе Таганрог решил построить гавань. Будучи в Голландии, Петр заговаривал о помощи ее в войне с турками, но Генеральные штаты отклонили предложение Петра, и он скоро узнал, что они вместе с английским королем не только не хотят воевать с турками, но даже деятельно хлопчут о примирении с Турцией Австрии. Австрия продолжала войну, начатую в силу священного союза против турок. Из Голландии Петр отправился в Вену. Целью этой поездки было заключение мира с турками. Петру очень хотелось выговорить себе у Турции крепость Керчь. В этих своих требованиях он искал поддержки и у австрийского императора. Последний находил требования Петра справедливыми, но обещал

поддерживать их только в том случае, если русские поспешат взять Керчь оружием; во всяком случае император относительно мира с Турцией обещал не предпринимать ничего без соглашения с царем. Переговоры эти, впрочем, не были окончательно кончены и соглашение оформлено, так как Петр получил известие о стрелецком бунте и поспешил в Москву. Он не успел побывать в Венеции, а целью поездки туда были также дела Т. По дороге в Москву в Раве Петр виделся с королем польским Августом II и здесь условился с ним насчет войны со Швецией. Но начать эту войну Петр мог только, заключивши мир с Турцией. На это теперь и было обращено все его внимание. В октябре 1698 г. в [Карловице \(XIV, 517\)](#) открылся конгресс, имевший целью окончить турецкую войну. Представителем России на этом конгрессе был думный дьяк Прокофий Возницын. Он потребовал от Турции уступки Керчи и всех владений по берегу Азовского и Черного морей, находившихся в руках русских. Турки не согласились. В конце концов после угроз Возницына немедленно начать военные действия турки заключили перемирие на два года. Этим перемирием Петр воспользовался для заключения мира. В Константинополь был отправлен думный дьяк Емельян Украинцев с дьяком Чередеевым. Для того, чтобы произвести на турок большее впечатление, они поехали на военном корабле. Переговоры длились очень долго, с ноября 1699 по июнь 1700 г. 3 июля было заключено перемирие на 30 лет, по которому Азов и

вновь построенные Петром городки — Таганрог, Павловский город, Мюс — остались за Россией. От притязаний на Керчь Россия отказалась. Петр только и ждал этого. 8 авг. он получил от Украинцева известие о заключении мира с Турцией, а 9 авг. русские войска уже двигались к шведским границам. Через год в 1701 г. был отправлен в Константинополь кн. [Д. М. Голицын \(IX, 49\)](#) с целью убедить турок дать разрешение русским кораблям плавать свободно по Черному морю. Поездка Голицына не увенчалась успехом. Турки не согласились, и Голицын вынес из поездки вообще такое впечатление, что турки очень недоброжелательно относятся к России и готовы воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы вернуть себе назад все сделанные по последнему миру уступки земель. Такое положение дел могло создать большие затруднения для России ввиду войны со Швецией. Двух войн сразу Россия не могла вести. Петр решил употребить все меры, чтобы предотвратить возможность новой войны с Турцией. С этой целью в ноябре 1701 г. он отправил Петра Андреевича Толстого для постоянного пребывания при дворе султана Мустафы II. Он должен был собрать самые точные сведения о Турции в отношениях политическом, административном, военном, экономическом, даже бытовом. Толстого встретили в Турции очень подозрительно, и к дому его был приставлен караул. Тем не менее, ему удалось выведать, что главным противником России был крымский хан, который, распространял тревожные слухи с целью побудить

султана к новой войне с Россией. Толстому удалось свергнуть при помощи матери султана великого визиря, сочувствовавшего планам крымского хана. Вскоре, в 1703 г., умер и султан Мустафа, и на престол был возведен брат его Ахмет. Боясь козней, он почти ежедневно менял великих визирей и привел Турцию в такое положение, что о войне и думать нельзя было. Так продолжалось до 1706 г., когда крымский хан донес, что татары терпят от русских религиозные преследования и изъявляют желание переселиться в пределы Турции. Французский посланник при дворе султана всячески старался поссорить Порту с Россией. Но Турция и теперь не решалась на войну, и в этом отношении соболи и деньги, раздававшиеся щедро Толстым, делали свое дело. В июне 1709 г. пришло новое письмо от крымского хана с тревожными известиями, будто бы русский военный флот появился уже в Азовском море. В то же самое время было получено известие о полтавской победе, а вскоре в Турцию явился и сам [Карл XII \(XIV, 549\)](#). Желая побудить султана к войне с Россией, Карл написал ему письмо, в котором изложил все выгоды этой войны и предлагал союз Швеции. Предложение это, однако, не имело успеха. Напротив, Петр даже заключил с Портой договор, по которому последняя обязывалась удалить из своих пределов Карла и всех бежавших с ним казаков. Узнав об этом, король шведский отправил в Константинополь преданного ему генерала Понятовского и при посредстве его свергнул великого визиря, при котором

был заключен договор об удалении Карла. Новый визирь Нууман-Кёприли также был против разрыва мирных отношений с Россией и помог Карлу только деньгами. Тогда Карл решился на другое средство. Интриги Понятовского подняли восстание янычаров. В это же самое время Петр усиленно стал настаивать на удалении Карла из турецких пределов, грозя в противном случае начать военные действия в союзе с королем польским. Результатом этого было решение дивана 20 ноября 1710 г. объявить войну России. Толстой был посажен в Семибашенный замок. Получив известие об этом, Петр немедленно двинул войска под начальством Голицына и Шереметьева (см. [Прутский поход](#)). Неосторожно углубившись в Молдавию, Петр был окружен сильнейшим турецким войском и вынужден был вступить в переговоры о мире. 12 июля был заключен мирный договор, хотя и с большими уступками со стороны Петра. Царь обязался возвратить туркам Азов, разорить Таганрог, Каменный затон и Новобогородицкий городок на устье Самары; далее он обязался не вмешиваться в дела Польши и казаков, не беспокоить последних, не иметь посла в Константинополе и дозволить Карлу XII свободный проезд через свои владения. Окончив так несчастливо [прутский поход](#) (см.), русское войско 14 июля двинулось к Днестру. Петр не сразу решился привести в исполнение постановление Прутского договора. Он потребовал сначала удаления Карла из пределов Турции. Турки же требовали начать с передачи им

Азова и с уничтожения крепостей. В помощь Толстому в Константинополь был отправлен Шафиров. Препирательства продолжались до дек. 1711 г., когда Порты решительно заявила, что она считает договор со стороны России нарушенным и войну объявленной. Петр решил уступить. При помощи английского и голландского послов между Петром и Портой был заключен новый договор на следующих условиях: Петр должен был вывести свои войска из Польши и совершенно устранить себя от вмешательства в ее дела; Порты, в свою очередь, обязана была удалить из своих пределов Карла, хотя и не устанавливала, для этого срока; на правом берегу Днестра за Россией оставлен был только Киев с областью, отведенной к нему по вечному миру с Польшей 1696 г.; всякое вмешательство России в дела правобережных казаков запрещалось; между Черкасском и Азовом нельзя было строить новых крепостей. Договор этот был заключен на 25 лет; но исполнять его не думали. Шведы старались побудить султана к войне с Россией; Петр не выводил своих войск из Польши. Придравшись к этому, султан 29 ноября 1712 г. объявил войну России и приказал посадить Толстого и Шафирова в Семибашенный замок. Французский посланник особенно содействовал этой войне, которая ему казалась легкой и выгодной. До войны дело, однако, не дошло. Между турками и остатками шведских войск произошло столкновение, и Карл XII был заключен в бендерскую крепость; вел. визирь и другие советники, содействовавшие войне с

Россией, были отставлены и заменены новыми. Султан вступил в переговоры с Шафировым, причем к предыдущему договору требовал присоединения двух пунктов, чтобы московский царь давал ежегодную дачу крымскому хану и чтобы граница России была установлена между речками Самарой и Орелью и на ней были поселены запорожцы, изменившие России. Шафиров согласился только на то, чтобы граница была между Самарой и Орелью; остальные условия отверг безусловно. Мирный договор был подписан, причем Порты потребовала, чтобы русские войска были выведены из Польши в двухмесячный срок и чтобы царь не въезжал туда даже без войска. С этих пор до самой смерти Петра отношения России с Портой были мирные, хотя Петр всегда мечтал отнять у Турции уступленные земли. Желая вознаградить черногорцев, сербов и других христиан, приставших к России во время Прутского похода, Петр предложил переселиться им в Россию. Некоторые переселились, при чем им были даны более или менее значительные имения, преимущественно в Малороссии, где они оставили недобрую славу своими хищническими истинтками.

III. Царствование *Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны*. В царствование [Екатерины I \(XI, 569\)](#) и [Петра II \(XXIII, 495\)](#) отношения с Турцией были мирные. Новое столкновение произошло уже при [Анне Иоанновне \(I, 792\)](#). Повод подали польские дела. Вопрос о диссидентах в Польше повел к вмешательству

в ее дела русских. Порта, подстрекаемая французским посланником Вильневым, потребовала на основании договора, заключенного при Петре I, невмешательства России в польские дела. Русский резидент Неплюев устранил недоразумения, и Порта нашла вмешательство России в польские дела естественным, лишь бы русское правительство находилось в мире с Турцией. Другим поводом к недоразумениям послужила Кабарда, которую Россия хотела присвоить себе, а Турция считала собственностью крымского хана; третьим поводом был своевольный проход войск крымского хана по дороге в Персию через русские владения, поведший к кровавому столкновению русских с татарами на Кавказе. Все эти недоразумения Неплюеву удалось устранить, несмотря на все старание Вильнева раздуть их. Устранить их было тем легче, что Турция в то время вела неудачную войну с Персией. Когда после смерти [Августа II \(I, 70\)](#), в 1733 г., при помощи России польским королем был избран [Август III \(I, 70\)](#), а не [Станислав Лещинский \(XVII, 619\)](#), за которого хлопотала Франция, Вильнев стал употреблять все усилия, чтобы поссорить Россию с Турцией. Для того, чтобы успешней сделать это, он при помощи интриг свергнул великого визиря Али-пашу, расположенного к миру с Россией. Его заменил Измаил-паша, человек опрометчивый и малоопытный. Около того времени Ахмет был свергнут и на престол возведен двоюродный брат его Мегмет. В Константинополе происходили смуты. Неплюев и помощник его Вешняков, видя все

это, советовали своему правительству теперь же начать войну с турками, которая, по их мнению, была рано или поздно неизбежна. Неплюев скоро был отозван в Петербург, а резидентом остался Вешняков. В Петербурге большинство правительственных лиц стояло за безотлагательную войну, и в 1735 г. граф Остерман, указывая в письме к великому визирю ряд нарушений со стороны Порты мирных условий, просил высылки уполномоченных на границу для устранения недоразумений. Уполномоченные не были высланы, и Россия сочла условия мира нарушенными. Тогда началась война, ход которой изложен в особом очерке. Несмотря на успехи русской армии под начальством Миниха, Анна Иоанновна вынуждена была преждевременно окончить войну. Составлен был новый проект ведения войны в 1739 г. Были образованы две армии — одна, главная, должна была двинуться через Польшу к Хотину, другая, вспомогательная, в Крым и на Кубань. Первая под начальством Миниха в конце мая перешла польскую границу и в конце июля подошла к Пруту. Здесь у мст.Ставучан, возле Хотина, 17 августа русское войско встретилось с Т. 90-тысячным отрядом под начальством сераскира Вели-паши. Миних разбил турок наголову. Вслед за ставучанской битвой пал и Хотин, а 1 сентября русские войска вступили в Яссы, жители которых обязались содержать первый год 20 тыс. русского войска и подарили Миниху 12000 червонных. Вскоре Австрия без ведома России заключила отдельный мир с Турцией, по которому

уступила последней Белград, Орсову и все сербское королевство. Продолжать войну было опасно одной России, и через посредство франц. посла Вильнева начались переговоры с Турцией о мире. Переговоры шли долго, наконец в сентябре 1739 г. был заключен [мир в Белграде \(V, 177 и след.\)](#).

IV. *Царствование Иоанна Антоновича, Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II.* После Белградского мира Турция, истомленная войной персидской, находилась в очень тяжелом положении, и русский резидент Вешняков настоятельно рекомендовал своему правительству воспользоваться обстоятельствами и разорить Турцию. Русское правительство не только не послушалось его советов, но, напротив, вело себя очень осторожно и сдержанно, и такая политика в отношении Турции продолжалась во все царствование Елизаветы Петровны. Политика эта тяжелее всего должна была отражаться на положении балканских христиан, смотревших на Россию, как на избавительницу от магометанского ига, и от нее, а не от кого другого ожидавших своего избавления. После Белградского мира Турция, как бы в отместку за войну 1730-х годов, стала особенно сильно преследовать христиан. Последние бросали свои пожитки дома и убегали в Россию. Ввиду того, что переселения христиан из Турции в Россию могли повести к политическим осложнениям, петербургское правительство издало указ, запрещающий переход

беспаспортных людей через границу России. Указ этот затруднил переселения славян. Вешняков очень настоятельно просил об отмене и смягчении этого указа, тем более, что враг России, Франция, старалась ласками, заискивающим образом действовать на славян. Вешняков рекомендовал своему правительству отвести особые земли для поселения славян, выставляя на вид, насколько славяне, поселенные в России, могут быть полезны в дальнейших войнах с Турцией. Как бы в ответ на это военная коллегия в 1743 г. еще раз подтвердила указ сената о непропуске через границу беспаспортных славян. В 1745 г. Вешняков умер в Константинополе, и на его место был назначен Адриан Неплюев, который сразу же стал гордо и решительно обращаться с Портой. Это имело свое значение. Т. правительство исполняло все требования Неплюева и долгое время не нарушало мирных отношений с Россией. Неплюева сменил Обрезков. При нем снова выдвинулся вопрос о переселениях балканских христиан в Россию. Толчком к возбуждению этого вопроса стало переселение в Россию австрийских сербов. Еще в конце XVII ст. до 60 тыс. сербов под предводительством патриарха Арсения Черноевича вышли из пределов Турции и с разрешения императора Леопольда поселились в пределах Австрии. Они много помогли новому отечеству в борьбе его с турками и венграми. Но в середине XVIII ст. венгры, войдя в доверие австрийского правительства, стали домогаться передачи в их ведение сербов и стали теснить

последних. Видя невозможность отстоять в Австрии прежнее свое независимое положение, полковник Хорват в мае 1751 г. через русского посла в Вене Бестужева обратился с просьбой отвести для поселения сербов земли где-нибудь в Малороссии, причем Хорват обещал привести с собой гусарский полк в 1000 чел. Предложение Хорвата было принято, и сербам отвели земли для поселения от Архангельского городка вдоль по р. Южному Бугу, а также по р. Синюхе и Висе и разрешили построить крепость св. Елизаветы. В окт. 1751 г. Хорват, взяв сербов с женами и детьми, в числе всего 300 чел., прибыл в Киев. Известие о переселении австр. сербов всполошило весь остальной славянский мир: черногорцы, болгары, валахи, сербы задумали тоже переселиться в Россию, и из Молдавии для ходатайства об этом прибыл депутат Замфиранович. Петербургское правительство, не решаясь дать ответ на это ходатайство, поручило своему резиденту в Константинополе Обрезкову спросить согласие Порты на переселение. Обрезков ответил, что такого разрешения Порты, конечно, официально не даст, но отдельные переселения будет, вероятно, оставлять без внимания. Постройка Хорватом крепости св. Елизаветы дала возможность французскому послу обратить внимание Турции на козни будто бы против нее России. Произошли объяснения, дело дошло до третейского суда посланников английского и австрийского, которые решили было дело сначала в пользу России, а затем, по настоянию Порты, спросили мнения своих кабинетов,

действительно ли постройка крепости св. Елизаветы производится Россией не в нарушение заключенных с Турцией договоров? Дело это тянулось до 1754 года, когда султан Махмуд приказал прекратить всякие препирательства. 2 декабря того же года султан умер. Преемник его Осман возобновил переговоры, и русское правительство, которое вообще в сношениях с Турцией соблюдало большую осторожность, решило приостановить работы по постройке крепости. Эта же осторожность была причиной и того, что, когда в 1755 г. черногорский митрополит обратился к России за помощью против турок, Россия ответила очень уклончиво и обещала через Обрезкова сделать при удобном случае соответствующее представление Порте. Обрезков долгое время не находил такого случая. Россия в то время принимала участие в Семилетней войне, и ей более чем когда-нибудь была нужна осторожность в сношениях с Турцией. Так прошло более десяти лет. Спокойно было в конце царствования Елизаветы Петровны, все короткое царствование Петра III, первые годы царствования Екатерины II. Поводом к обострению отношений послужили польские дела. На основании договоров с Турцией Россия обязывалась не вмешиваться в польские дела и не вводить своего войска в польские пределы. В конце сентября 1763 года в Польше умер король Август III и начались обычные раздоры партий. В числе других держав в выборы короля вмешалась и Россия, и в 1764 г. был избран ее кандидат — Станислав Понятовский. Борьба партий

продолжалась и после избрания короля (см. Польша), выдвинулся снова вопрос о диссидентах, были введены русские войска в Польшу, и русский посланник в Варшаве, князь Репнин, настолько энергично защищал интересы своего правительства, что на каждом шагу допускал противозаконные поступки, дошедшие в конце концов до ареста более видных и влиятельных членов сейма. Для противодействия русскому влиянию в 1768 г. образована конфедерация (см. Барская конфедерация), вступившая в борьбу с русскими войсками; находясь в затруднительном положении, конфедераты обратились с ходатайством о заступничестве к Порте. Собраны были большие драгоценности для подкупа влиятельных в Константинополе лиц. Французское правительство деятельно поддерживало ходатайство перед султаном поляков и употребляло всяческие меры, чтобы поссорить Турцию с Россией. Долгое время происки эти не удавались. Французское правительство было недоволено деятельностью своего посла Верженя и отправило ему в помощь Сен-При, а затем и особого агента Толя. Последний уговорил конфедератов уступить Турции Волынь и Подолию в том случае, если она окажет помощь Польше. Предложение это сломило твердость Турции. В то самое время гайдамаки напали на пограничное Т. местечко Балту и сожгли его. Т. правительство потребовало удовлетворения. Гайдамаки были переловлены и строго наказаны. Порта искала только предлога к разрыву с Россией и не

удовлетворилась этим. 6 октября 1768 года Т. великий визирь пригласил к себе Обрезкова, обошелся с ним оскорбительно-грубо и велел заключить в Семибашенный замок. Порта старалась приписать разрыв России. Россия, по ее словам, неоднократно нарушала заключенные трактаты, строила крепости вблизи Т. границ, вмешалась в дела Польши, стремясь ограничить вольности поляков и способствуя избранию на престол «человка из числа офицеров, недостойного быть королем, и из фамилии и предков которого никто не был королем»; наконец, русские войска разорили Балту. Екатерина, с своей стороны, обратилась с циркулярной нотой к европейским дворам, в которой старалась объяснить и доказать справедливость и прямоту русской политики и указать на несправедливость Порты, побуждаемой врагами России. Зима 1768 г. прошла в приготовлении к военным действиям. Из Балканского полу-ва стали доходить вести о готовности балканских христиан поднять восстание против Турции. 19 января 1769 г. Екатерина II велела напечатать воззвание на славянском и греческом языках к балканским христианам, обнадеживая их и призывая к восстанию. Подполковник Даразин, родом болгар, находившийся в русской службе, переоделся в платье странника-нищего и распространял воззвание, которое было у него спрятано в посохе и в корешке псалтыри. Воззвание оказало свое действие. Начавшись в Черногории, восстание христиан разлилось по Албании, Боснии, Герцеговине и

Македонии. Ниже см. очерк хода первой Т. войны Екатерины II (1768—1774), которая кончилась [кучук-кайнарджийским миром](#) (см.). Теперь Крым был объявлен независимым от Турции; Россия получила Большую и Малую Кабарду, Азов, Керчь, Еникале и Кинбургс, прилегавшею к нему степью между Днепром и Бугом; русские корабли могли свободно плавать по турецким водам; русские подданные получили право пользоваться всеми теми выгодами, которыми пользовались в пределах Турции союзные туркам народы; Порта признала титул русских императоров и обязалась называть их падишахами, даровала амнистию и свободу вероисповедания балканским христианам, предоставила представителям России принимать на себя роль защитников славян и ходатайствовать за них. Порта обязалась также распространить амнистию на Грузию и Мингрелию и не брать с них больше подати отроками и отроковицами. Русские подданные получили право без всякой платы посещать Иерусалим и другие священные места. Россия в свою очередь изъявила согласие иметь при дворе султана посланника или полномочного министра второго ранга и консулов с переводчиками для охраны интересов русских купцов в разных городах Турции. Далее, Россия обязалась вывести войска из Грузии и Мингрелии, с тем чтобы тамошние крепости охранялись не турецкими, а туземными гарнизонами. За военные издержки Турция обязалась уплатить России 4½ млн. руб. 13 января 1775 г. кучук-кайнарджийский мир был утвержден султаном.

Договор был очень невыгоден для Турции и уже одним этим не обеспечивал для России более или менее продолжительного мира. Порта всячески старалась уклониться от точного исполнения договора — то она не платила контрибуции, то не пропускала русских кораблей из Архипелага в Черное море, то агитировала в Крыму, стараясь умножить там число своих приверженцев. Россия согласилась на то, чтобы крымские татары признавали власть султана, как главы магометанского духовенства. Это дало султану возможность оказывать на татар и политическое влияние. Сагиб-Гирей, возведенный в ханское достоинство Долгоруким в 1771 г., не пользовался расположением народа, особенно за свое стремление к европейским реформам. В марте 1775 года он был свергнут партией, которая стояла за зависимость Крыма от Турции, и на его место был возведен Девлет-Гирей. Выбор этот был не в интересах России, и последняя стала поддерживать своего кандидата, брата Сагиб-Гирея — Шагин-Гирея, назначив ему одновременно 50000 руб. и ежегодную пенсию по 1000 руб. в месяц. Резкие действия Девлет-Гирея против приверженцев России в Крыму и военные приготовления Турции, которая начала стягивать войска к Бендерам и Хотину и готовить флот к высадке в Крыму, повели к тому, что Екатерина II приказала в 1776 г. Румянцеву двинуть часть войск в Крым, удалить Девлет-Гирея и провозгласить ханом Шагин-Гирея. В ноябре 1776 г. князь Прозоровский вступил в Крым. Девлет-Гирей

бежал в Турцию, а Шагин-Гирей весной 1777 г. был объявлен ханом всех татар. Новый хан не мог пользоваться расположением подданных. Деспот от природы, расточительный Шагин-Гирей обирал народ и с первых же дней своего правления вызвал его негодование. Шагин-Гирей задумал, между прочим, завести в Крыму регулярное войско, но оно-то и погубило хана. Среди вновь образованного войска вспыхнул мятеж. Турция воспользовалась этим, и изгнанный Долгоруковым в 1771 г. Селим-Гирей явился в Крым и был провозглашен ханом. В помощь ему Турция отправила 8 кораблей. Екатерина после этого приказала Румянцеву восстановить власть Шагин-Гирея и прекратить мятеж. Исполнение этого приказания было поручено снова кн. Прозоровскому, который принудил мурз 6 февраля 1778 г. явиться с покорностью к Шагин-Гирею. Вскоре произошел переворот и в Константинополе. Великим визирем был назначен человек миролюбивого характера, и 10 марта 1779 г. с Турцией была подписана конвенция, которой подтверждался Кучук-Кайнарджийский договор и Шагин-Гирей признавался ханом. После этого русские войска ушли из Крыма и остановились в ожидании дальнейших событий на границах. Власть нелюбимого народом Шагин-Гирея была непрочна. В июле 1782 г. против него вспыхнул мятеж, и Шагин-Гирей принужден был убежать в Керчь. Турки заняли Тамань и угрожали переправой в Крым. Тогда командовавший русскими войсками на юге Потемкин поручил своему

двоюродному брату П. С. Потемкину оттеснить турок за Кубань, Суворову — усмирить ногайских и буджакских татар, а графу де-Бальмену вступить в Крым и водворить там спокойствие. Шагин-Гирея Потемкин убедил отказаться от власти, передав ее в руки русской императрицы. Русские войска были сосредоточены немедленно на Т. границах, военный флот появился на Черном море, а 8 апреля 1783 г. появился манифест о присоединении к России Крыма, Тамани и кубанских татар. Турция принуждена была покориться этому, и султан в декабре 1783 г. признал формальным актом присоединение Крыма, Тамани и Кубани к России. Общественное мнение в Турции было настроено против это акта, против России, и раздавался ропот против престарелого султана Абдул-Гамида. Т. правительство искало повода к разрыву с Россией. Ахалцыхский паша уговаривал грузинского царя Ираклия II отдаться под покровительство Порты; когда же тот отказался, то паша стал организовать систематические набеги на земли грузинского царя. До конца 1786 г. России ограничивалась одними только письменными заявлениями по этому поводу, которые Порта большей частью оставляла без ответа. В конце 1766 г. Екатерина II решилась действовать более твердо. Потемкину было поручено главное начальство над войсками и предоставлено право действовать по своему усмотрению. Русскому посланнику в Константинополе, Булгакову, было поручено потребовать от Порты: 1) чтобы границы царя грузинского, как подданного

России, никогда не беспокоились турками; 2) чтобы беглые русские не оставлялись в Очакове, а отсылались за Дунай и 3) чтобы кубанцы не нападали на русские границы. Представления Булгакова не имели успеха, а Порта, с своей стороны, требовала, чтобы русское правительство вовсе отказалось от Грузии, уступило Турции 39 соляных озер близ Кинбурна и предоставила Порте иметь своих консулов в русских городах, в особенности же в Крыму, чтобы Т. купцы платили пошлины не более 3%, а русским купцам запрещено было вывозить Т. произведения и иметь на своих судах Т. матросов. Так как Порта требовала срочного ответа до 20 августа, то неприязненное положение было очевидными. Не дождавшись ответа от Булгакова, Порта предъявила новое требование — отказаться от Крыма, возвратить его Турции и уничтожить на счет его все договоры. Когда Булгаков отказался принять подобное требование, то был заключен в Семибашенный замок. Поступок этот был равносильен объявлению войны. Обе стороны стали деятельно готовиться ко второй Т. войне (1787—91), о которой см. ниже. Война кончилась миром в Яссах 29 декабря 1791 г. Турция подтвердила Кучук-Кайнарджийский договор и навсегда уступила Крым, Тамань и кубанских татар. Днестр стал границей между Россией и Турцией. Турция обязалась уплатить контрибуцию в 12 млн. пиастр. (7 млн. рублей), но гр. Безбородко, после того как эта сумма была внесена в договор, от имени императрицы отказался от ее получения. Финансовые дела Турции и без того пришли

в страшное расстройство после второй войны с Россией.

V. *Царствование Павла I и Александра I.* При Павле I отношения Турции к России приняли мирный характер. Убедившись в выгоде для Турции поддерживать мир с Россией, султан Селим III порвал даже трехсотлетний союз с Францией и 23 декабря 1798 г. заключил на 8 лет оборонительный договор с Россией. Договором этим подтверждались все прежние трактаты и обуславливалась взаимная защита от неприятельских нападений. Россия получила право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы. На основании этого договора русский флот ходил в 1799 г. на помощь Турции против французов. Это было невиданное до тех пор зрелище. Договор 1798 г. оставался в силе и в первые годы царствования Александра I. Наполеон I, сделавшись консулом и затем императором, употребил все свои силы, чтобы уничтожить влияние России в Турции и возратить потерянное влияние Франции. По договору 26—29 сентября 1801 г. Александр I принял на себя посредничество для восстановления мира между Францией и Портой, и при его содействии в 1802 г. был заключен мирный договор. В 1803 г. Наполеон отправил в Константинополь маршала Брюна с поручением агитировать против России и возратить Франции прежнее влияние. Но это не удалось. Селим III выражал свое расположение к России, и договор 1798 г. по инициативе самой же Турции был возобновлен 11

сентября 1805 г., причем Россия выговорила себе право покровительства христианам, подвластным Турции, хотя это противоречило религиозным и политическим интересам последней. Турция находилась в то время в положении очень тяжелом. Финансы были исчерпаны, отдельные паши приобрели власть, делавшую их почти независимыми от власти султана. Выделялся в особенности виддинский паша Пасван-Оглу, против которого султану пришлось даже выслать войско. Пасван-Оглу грабил Валахию. Примеру его следовали и другие. Четверо из янычар захватили Сербию, назвали себя дахиями, стали грабить область, делать насилия над жителями, избивать тех, которые могли пользоваться кой-каким влиянием. Сербы жаловались султану; тот обещал помочь им, но это обещание только ухудшило дело. В феврале 1804 г. началось почти поголовное истребление сербов. Тогда сербы восстали, быстро выгнали турок из деревень и городов, избрали предводителем Кара-Георгия и организовали самоуправление. Этим восстанием воспользовался Наполеон, чтобы поссорить Турцию с Россией. Победы Наполеона заставили Селима осторожнее относиться к императору французов, и он признал за Наполеоном императорский титул, хотя раньше долго и упорствовал в этом. Когда в 1805 г. Наполеон занял Рагузу, затем Далмацию, он отправил в Турцию ген. Себастиани с целью окончательно восстановить Порту против России. Себастиани приехал с массой военных инженеров, начал укреплять дунайские крепости и

действовал вообще очень решительно. По его настоянию было сменено старое министерство, расположенное к миру с Россией, запрещено было грекам употреблять на своих судах русский флаг, и Порта в конце концов объявила, что больше она не будет пропускать русские военные корабли через Дарданелльский пролив. По совету Себастиани были сменены преданные России господа Молдавии и Валахии Ипсиланти и Мурузи, будто бы тайно помогавшие сербскому восстанию, и заменены Суцо и Калимахи. Это было нарушением договора, так как без согласия России господа не могли быть сменяемы. В то же самое время Турция начала военные приготовления. Русский посланник в Константинополе Италинский поставил Порте на вид ее действия. Порта не приняла этого во внимание, и поэтому по приказанию имп. Александра I командовавший на юге войсками Михельсон подвинулся к Днестру. Италинский передал Порте ноту, в которой были выставлены требования о восстановлении молдавского и валахского господарей, о дозволении русским судам проходить через Дарданеллы, об обеспечении Ионической республики от своевольства янинского Али-паши и о подтверждении всех прав и преимуществ Молдавии и Валахии. Соглашаясь восстановить господарей, Порта не дала никакого ответа на другие пункты ноты. Таково было происхождение войны 1806—1812 г., о которой — см. ниже. Успехи русских в 1811 г. заставили турок просить мира, переговоры о котором

начались в Журже. Наполеон старался продлить войну и обещал султану свою помощь; но большинство Т. сановников и в том числе великий визирь Ахмет-паша были за заключение мира. Россия не хотела делать никаких уступок, и так как Т. уполномоченные не соглашались на условия, предложенные Россией, то в половине декабря Кутузов получил предписание начать военные действия. Влияние Наполеона в Турции в это время было парализовано тем, что Александр I обнаружил перед Портой мысль Наполеона о разделе Турции. В пользу России действовал в Константинополе и шведский тайный секретарь Гиммель, указывавший Порте на опасность для Турции, если Россия в войне с Францией потерпит неудачу. Близость столкновения с Францией заставила и Россию торопиться с заключением мира и сделаться уступчивой. 5 мая 1812 г. Кутузов в Бухаресте подписал предварительные статьи мира, сделавшиеся потом основанием [бухарестского мира 1812 г. \(V, 110\)](#). Александр I ратификовал его 11 июля, накануне вторжения Наполеона. В манифесте 5 августа, которым объявлялось о прекращении войны с Турцией, мир этот был назван богодарованным. России предстояла трудная борьба с Наполеоном. Воспользовавшись ею, Турция не исполнила тех частей Бухарестского договора, которые имели в виду амнистию, предоставление известных прав сербам, подтверждение привилегий Молдавии и Валахии и пропуск русских судов через Босфор и Дарданеллы. До окончательного замирения Европы

Александр I не мог выступить с решительным протестом против поступков Порты и только в 1816 г. начал с ней переговоры. Они длились пять лет и не приводили ни к каким решительным результатам. В 1821 г. вспыхнуло греческое восстание. [Гетерия \(см.\)](#) и Ипсиланти надеялись на помощь России и Австрии, но обе державы объявили себя на Дайбахском конгрессе противниками восстания. Несмотря на это, Турция, в значительной степени, приписывала греческое восстание России. Турки очень скоро и жестоко усмирили Молдавию и Валахию, но восстание с ожесточением продолжалось в Пелопоннесе и на островах. На Веронском конгрессе, собравшемся по поводу греческих дел, Англия стояла за помощь грекам, Священный же Союз высказывался против восстания. Меттерних предлагал даже помочь султану, но это предложение не было принято благодаря решительным протестам гр. Капо-д'Истрия. Зверства турок в Молдавии и Валахии заставили русского императора в 1821 г. обратиться по этому поводу к Порте, и русский посланник гр. Строганов выехал из Константинополя. Европейские дворы, в особенности венский, всеми силами старались воспрепятствовать новой войне. Это было возможно только путем вмешательства в греческие дела европейских дворов, которого требовал Александр I. В 1824 г. в Петербурге была собрана конференция, в которой приняли участие Франция, Пруссия и Австрия. Англия же присоединилась только после того, как Россия согласилась возвратить в

Константинополь своего посланника. Узнав, что конференция проектирует даровать грекам самые ничтожные политические права, греческие вожди протестовали против вмешательства европейск. дворов и послали свой протест в Лондон, так как считали Англию единственной страной, расположенной в пользу освобождения греков и признания за ними политической самостоятельности. Получив протест, Англия предписала своему посланнику в СПб. не принимать участия в конференции, и последняя расстроилась. Жестокости турок, между тем, продолжались с прежней силой. В окт. 1825 г. Александр I решительно протестовал против них и заявил, что заставит Порту оружием уважать права России.

VI. *Царствование Николая I.* В начале 1826 г. в Петербург приехал герцог Веллингтон приветствовать имп. Николая I со вступлением на престол. Он, между прочим, имел поручение отклонить Россию от войны и предложить посредничество Англии для улажения отношений между Россией и Турцией. Николай I отклонил посредничество Англии и послал в Константинополь ультиматум, требуя восстановления для дунайских княжеств status quo ante 1821 г. и точного исполнения Бухарестского договора. Порта приняла во внимание ультиматум, и для улажения отношений был назначен съезд уполномоченных в Аккермане. Со стороны России были граф М. С. Воронцов и Рибопьер.

25 сентября 1826 г. была заключена конвенция, относившаяся, главным образом, до охранения торговых дел России и устройства дел в Молдавии, Валахии и Сербии. Господари молдавские выбирались из бояр, на 7 лет и получали титул господарей только по утверждении их султаном. Они не могли быть сменены без согласия России и Порты. Порта обязалась предоставить Молдавии и Валахии двухлетнюю льготу от податей. Сербии Порта обещала даровать свободу богослужения, независимость внутреннего управления, свободу податей и т. п. Все торговые договоры с Россией были вновь подтверждены. Султан ратификовал конвенцию, так как на берегах Прута стояла 80-тысячная армия, придвинутая сюда еще в конце царствования Александра I. Греческий вопрос в политике Николая I занимал сначала второстепенное место; он выразил готовность примкнуть к мерам, которые будут приняты другими державами для урегулирования греческого вопроса. 23 марта 1826 г. в Петербурге был подписан уполномоченными России и Англии протокол, по которому обе державы согласились примирить Турцию и Грецию на следующих основаниях: 1) Греция получает право независимого существования, но обязана платить Турции определенную дань и находиться под ее верховной властью; 2) Т. земли в Море и на островах отходят к грекам за известный выкуп; 3) Порта принимает участие в выборе правительственных лиц в Греции, но они должны быть непременно из греков, и 4) грекам

предоставляется полная свобода торговли и религии. Этим протоколом остался недоволен Меттерних, не сочувствовавший освобождению греков. После заключения Аккерманской конвенции русским посланником в Константинополь был назначен Рибопьер. Он прибыл туда 30 янв. 1827 г., но на его представления в пользу греков султан надменно ответил, что в этом вопросе он не потерпит никакого иностранного вмешательства. Под предлогом праздника Байрама Рибопьер был принят султаном только через 3 месяца и то после того, как заявил о своем намерении оставить Константинополь. Прием Рибопьера отличался особой торжественностью, но не принес никаких существенных результатов. Порта решительно оспаривала право России вмешиваться в вопрос о греках. Война, казалось, была неминуема, но она была еще на некоторое время отсрочена вмешательством Франции, которая потребовала для умиротворения греческого вопроса общеевропейского постановления и совокупного действия. 24 июня (6 июля) между Россией, Францией и Англией в Лондоне был заключен договор на основаниях петербургского протокола 23 марта 1826 г., при чем державы обязались не искать собственных выгод, но потребовать перемирия от обеих воюющих сторон и всеми силами препятствовать возобновлению военных действий, «не принимая, впрочем, участия во враждебном действии между турками и греками». Тогда же державы решили послать союзную эскадру к берегам Греции. В это время граф

Каподистрия, находившийся на русской службе и считавшийся помощником управляющего министерством иностранных дел, был избран греками президентом, и ему была вручена диктаторская власть. Это еще более убедило турок, будто греческое восстание — дело рук России. Представления держав Турции на основании договора 24 июня 1827 г. остались без ответа. Между тем египетский флот в составе 92 судов прошел из Александрии в Морею. Союзники не преследовали его, но когда флот вошел в Наваринскую бухту, то заперли его и послали к Тагир-паше предложение воздержаться от неприязненных действий. 6 сентября посланники снова отправили в Порту своих драгоманов за ответом на представления, но Порты решительно отвергла всякие переговоры, и Тагир-паше был послан приказ, несмотря на угрозы союзников, продолжать военные действия. Ибрагим-паша, командовавший сухопутными Т. войсками, по-прежнему производил опустошение Мореи. Посланный к нему парламентар не был принят. Тогда союзники решили войти в Наваринскую бухту и стать против Т. флота. 8 (20) октября соединенный флот из 28 судов с 1298 орудиями стал на якорь против Т. флота в 65 судов с 2080 орудиями. Огонь был открыт с Т. стороны, при чем был убит парламентар, посланный для переговоров. Началось сражение, кончившееся полным уничтожением Т.-египетского флота. И после Наваринского боя Турция не пошла на уступки, которых требовали союзники. Тогда посланники России, Англии

и Франции оставили Константинополь. Император Николай I предложил от имени союзников двинуть свои войска в Молдавию и Валахию, но Англия не соглашалась на это, так как этим определилось бы преобладающее положение России в греческом вопросе. Англия предлагала ограничиться военными действиями в Море. Вопрос о войне вскоре разрешился сам собой. Считая главной виновницей в греческом восстании Россию, Порта разослала начальникам провинций циркуляр, которым объявляла Россию непримиримым врагом Турции и всего мусульманства. Русские подданные были изгнаны из Т. владений. Порта приглашала Персию продолжать войну с Россией, объявила, что она не обязана соблюдать Аккерманского договора, и запретила русским судам вход в Босфор. В то же время Т. султан Махмуд деятельно готовился к войне, стараясь придать ей религиозный характер. Желая стать во главе войска на защиту ислама, он перенес свою столицу в Адрианополь и приказал укрепить дунайские крепости. Ввиду всего император Николай I 14 апреля 1828 г. объявил войну Турции и приказал своим войскам, стоявшим до тех пор в Бессарабии, вступить в турецкие пределы. Объявляя войну, Николай I в особой декларации заявил Порте, что он всегда готов будет вступить в переговоры. Порта не воспользовалась этим. Приготовляясь к войне, султан все таки надеялся, что европейские державы не допустят ее, и потому вступление русских войск в Т. пределы застало султана в разгар празднования

байрама. Война 1828—29 гг. (см. ниже) окончилась разгромом Турции, приведшим к [адрианопольскому миру \(I, 192\)](#). 17 октября произошел обмен ратификаций Адрианопольского договора. Война была кончена. Дибич ушел из Адрианополя. Султан, по-видимому, был доволен условиями мира и очень предупредительно и сердечно относился к русскому посланнику Рибопьеру, вторично посланному в Константинополь. Рибопьеру скоро удалось добиться возвращения Сербии шести округов, признания административной независимости ее под властью кн. Милоша и разрешения сербам иметь на своих церквах колокола. Между Россией и Портой установилась, по-видимому, теснейшая дружба. Впоследствии Англия и Франция сделали Турцию своим орудием против России, и постоянное нарушение трактатов со стороны Турции привело в конце царствования Николая I к Восточной войне 1853—1856 гг. (о ней см. [Восточная война, VII, 209 и след.](#)).

VII. *Царствование Александра II.* [Парижский мир 1856 г. \(XXII, 795\)](#), которым закончилась Восточная война, имел в виду лишить Россию преобладающего влияния на Балканском полуострове. У России было отнято право покровительствовать православным христианам на Балканском полуострове, принадлежавшее ей давно в силу прежних договоров с Турцией, и перенесено на совокупность великих держав Европы. 18 февраля 1856 г. султан издал гатти-гумаюн, в котором была обещана, но никогда впоследствии не

была приведена в исполнение равноправность христиан с мусульманами. Державы, между тем, удовольствовались этим гатти-гумаюном. Начавшееся в конце 1850-х годов освободительное движение в Италии отразилось и на Балканском полу-ве. В 1859 и 1860 г. начались волнения в Боснии, Герцеговине, в Болгарии, Македонии, Фессалии и Эпире. Турки подавили их с большой жестокостью. Угнетенные христиане стали обращаться за помощью к России, и министр иностранных дел князь Горчаков поднял перед Европой вопрос о неисполнении Турцией своих обязательств по отношению к балканским христианам. Практических результатов из этого не вышло никаких. Кровавая резня в Сирии повела к общеевропейской конференции, собравшейся в Париже. Сирия была занята 7-тысячным французским корпусом, и образована комиссия из делегатов великих держав для производства следствия и переустройства Ливана; что же касается балканских дел, то благодаря упорству Англии ограничились напоминанием Порте, что гатти-гумаюн 1856 г. остается неисполненным и великие державы нетерпеливо ждут его исполнения. Кн. Горчаков сделал было после этого попытку теснее сблизиться с Францией в восточном вопросе, но это сделалось невозможным после варшавского свидания имп. Александра II с императором австрийским и принцем-регентом прусским. России приходилось действовать одной, независимо от других держав. Она не препятствовала слиянию Молдавии и Валахии в одно

румынское княжество. Князем был избран сначала [Александр Куза \(XVI, 931\)](#). Свергнутый в 1866 г. военным заговором, он был заменен [Карлом Гогенцоллерном \(XIV, 526\)](#). Этот выбор был встречен Россией с недоверием. Собранная по этому поводу конференция разошлась без результатов, и только в 1868 г. Россия признала Карла князем румынским. Россия способствовала и настояла на освобождении всех сербских крепостей, кроме Белграда, от Т. гарнизонов. Ей удалось также избавить Черногорию от тяжких условий мира, предложенных для нее Портой, и сохранить в отношении к ней status quo ante. Осенью 1862 г. между уполномоченными России, Франции и Турции был подписан протокол, по которому три державы обязались разделить между собой поровну издержки по перестройке купола над храмом Гроба Господня в Иерусалиме. За Россией и Францией было признано, таким образом, преимущественное право покровительства христианам в Святых местах. В 1860-х годах наибольшее затруднение в восточном вопросе представляли греческие дела. После низвержения с престола короля Оттона в числе кандидатов на греческий престол выдвигался родственник русскому императорскому дому герцог Николай Лейхтенбергский. Русское правительство обязалось не допускать этой кандидатуры, но зато обязало и Англию не допускать кандидатуры второго сына королевы Виктории, принца Альфреда. [Критское восстание 1866 г. \(XVI, 780\)](#) едва не повело к открытой войне между

Турцией и Грецией. Собравшаяся по почину России в 1869 г. в Париже конференция заставила Грецию отказаться от притязаний на Крит, и только этим путем война была предупреждена. 20 февраля 1871 г. лондонской конференцией (XVII, 951) благодаря стараниям кн. А. М. Горчакова (IX, 343) была подписана конвенция, которой отменялись некоторые ограничительные для России статьи Парижского мира 1856 г. в отношении пользования Черным морем. Летом 1875 г. вспыхнуло восстание против турок в нескольких южных округах Герцеговины. Восстание перешло в Северную Герцеговину, затем в Боснию; население удалялось в горы или искало спасения в Черногории, Далмации или в соседних округах Австрии. По предложению России в Вене был установлен центр соглашения великих держав по поводу этих событий, и в Герцеговину была послана комиссия из местных консулов для переговоров с вожаками восстания. Последние заявили, что они ни за что не согласятся на обещания турок, но сложат оружие, если будет выработан целесообразный план реформ и они будут поставлены под охрану и ручательство великих держав. Порта отвергла возможность соглашения на этих условиях, и восстание продолжалось, усиливаясь все более и более. У европейских держав, заинтересованных положением дел на Востоке, явился теперь вопрос, какие выгоды можно извлечь для себя в случае распада Турции. Этим определилась в значительной степени политика трех великих держав —

России, Австрии и Англии — в восточном вопросе. По почину австрийского министра графа [Андраши \(I, 755\)](#) состоялось соглашение великих держав насчет реформ в Боснии и Герцеговине. Они сводились к следующим пяти статьям: 1) полная свобода вероисповедания; 2) уничтожение отдачи податей на откуп; 3) употребление на местные нужды доходов областей; 4) учреждение смешанной комиссии из христиан и мусульман для наблюдения за преобразованиями и 5) улучшение аграрного положения сельского населения. Порта выразила готовность сообразоваться с советами держав. Для переговоров с вожаками герцеговинского восстания был послан австрийский наместник в Далмации, барон Родич. Переговоры эти снова ни к чему не привели. Инсургенты не видели для себя гарантий в действительном осуществлении намеченных державами реформ, находили самые реформы недостаточными и предъявили ряд требований, которые западноевропейские кабинеты признали чрезмерными. Оставить без внимания желания инсурентов великие державы все же не могли. 29 апреля 1876 г. имп. Александр II в сопровождении кн. Горчакова приехал в Берлин; туда же был приглашен и гр. Андраши. Между Бисмарком, Горчаковым и Андраши произошло соглашение по восточным делам, нашедшее себе выражение в «Берлинском меморандуме». Сущность этой декларации сводилась к требованию двухмесячного перемирия, во время которого державы должны были достигнуть соглашения между

христианами Боснии и Герцеговины и Портой на основании желаний, заявленных инсургентами барону Родичу. Франция и Италия примкнули к соглашению, но английский министр иностранных дел [лорд Дерби \(X, 425\)](#) решительно отказался одобрить Берлинский меморандум, и он поэтому не был сообщен турецкому правительству. В 1876 г. в Турции произошел кровавый переворот. Сначала был свергнут великий визирь Махмуд-паша, расположенный к сближению с Россией ([XVIII, 823](#)), затем низложен и умерщвлен султан Абдул-Азис. Султаном был провозглашен племянник умерщвленного Абдул-Азиса [Мурад V \(XX, 205\)](#), но вскоре также был свергнут и заменен братом своим [Абдул-Гамидом \(I, 20\)](#), который издал амнистию всем восставшим своим подданным и обещал ввести в Турции конституцию по западноевропейскому образцу. Несмотря на амнистию, турки все же с небывалой жестокостью расправились с болгарами, сделавшими попытку к восстанию в окрестностях Филиппополя. В одном Филиппопольском округе число жертв насчитывали до 12 тыс. Вся Европа была возмущена жестокостью турок; [Гладстон \(VIII, 793\)](#) издал брошюру, переведенную на многие европейские языки: «Болгарские ужасы и восточный вопрос», в которой требовал полного изъятия Болгарии, Боснии и Герцеговины из Т. управления. Брошюра Гладстона произвела громадное впечатление на общественное мнение Англии, и, уступая ему, английский кабинет, во главе которого стоял [лорд Биконсфильд \(III, 836\)](#),

потребовал от Порты строгого наказания для виновников филиппопольской резни и стал усиленно настаивать на исполнении Портой своего обещания ввести коренные реформы в областях с христианским населением. В июне месяце Сербия и Черногория объявили Турции войну. 20 июня произошло в Богемии, в замке Рейхштадте, свидание Александра II с Францем-Иосифом, и здесь было условлено оставаться России и Австрии нейтральными, пока не выяснится перевес одной из воюющих сторон, и тогда согласовать сообща результаты войны с интересами обеих империй. Австрия решительно высказывалась против учреждения на Балканском полуострове автономных княжеств, в особенности в Боснии и Герцеговине, как это проектировала Россия. Объявление войны Сербией и Черногорией вызвало сильное возбуждение в русском обществе. Начались пожертвования в пользу славян денег, провианта, отправлялись добровольцы в Сербию, и русское правительство не препятствовало такому открытому заявлению симпатий общества. Тем не менее, дела славян шли плохо, и сербы с величайшим трудом отбивались от турок. 12-го августа князь [Милан \(см.\)](#) принужден был обратиться к посредничеству великих держав с просьбой прекратить «бесцельное кровопролитие». Державы изъявили свое согласие. Черногорский князь [Николай \(см.\)](#) также присоединился к ним. Англия взяла на себя поручение сделать в Константинополе предложение о перемирии, и оно было заключено на десять дней с 4 по 15

сентября. Переговоры о мире не привели ни к чему, так как Порта предъявила самые неумеренные требования. Тогда русское правительство предложило занять Боснию и Герцеговину австрийскими войсками, а Болгарию — русскими и сделать военную демонстрацию перед Константинополем, послав туда соединенный военный флот великих держав. План этот был, впрочем, оставлен, так как вызвал возражения со стороны Австрии, главным же образом со стороны английского правительства. Князь Горчаков предложил после этого перемирие на 6 недель, для того чтобы дать возможность великим державам условиться насчет спорных вопросов. Требование перемирия было передано сент-джемским кабинетом Порте. Последняя соглашалась на перемирие, но только не на 6 недель, а на 6 месяцев, т. е. до весны. Кн. Горчаков настаивал на своем требовании, и все великие державы, кроме Англии, соглашались его поддерживать. В то время, когда происходила вся эта дипломатическая переписка, в Ливадии, где находился осенью 1876 г. Александр II, шли уже совещания о вооруженном вмешательстве России в балканские дела. Когда в середине октября получено было известие об окончательном разгроме сербов, о взятии турками Джуниса и Алексинаца и о беспрепятственном движении Т. армии к Белграду, русское правительство послало Турции ультиматум, который был сообщен Порте послом [Игнатьевым \(см.\)](#) 19 октября: если Порта в 2-дневный срок не примет перемирия на один месяц или 6 недель и не прекратит

военных действий, Россия разорвет с ней дипломатические сношения. Порты немедленно подчинилась требованию ультиматума. События во всяком случае не обещали мирного разрешения балканского вопроса. Со второй половины сентября русская армия стала мобилизоваться, и к 1 янв. 1877 г. назначенная к действию армия достигла 286 батальонов, 363 эскадронов и сотен, 1154 орудия, а всего 460 тыс. человек. Главнокомандующим действующей армией был назначен великий князь [Николай Николаевич Старший \(см.\)](#), который 19 ноября выехал из С.-Петербурга в главную квартиру, в Кишинев. В штабе главнокомандующего была учреждена должность заведующего гражданскими делами для устройства гражданского управления Болгарии на случай занятия ее русскими войсками. На эту должность был назначен кн. [В. А. Черкасский \(см.\)](#). Вооружения России побудили Порты согласиться на созыв в Константинополе конференции. Последняя составила из особых уполномоченных держав, которые участвовали в заключении Парижского договора 1856 г. В первой половине декабря 1876 г. конференция собиралась на заседания под председательством старейшего из послов Игнатьева, но без участия Порты, и выработала ряд требований, которые должны были быть предъявлены Порте. Помимо увеличения территории Сербии и Черногории, предполагалось создать особое управление для Боснии и Герцеговины и Болгарии; объявлялась равноправность

вероисповеданий, преобразовывался суд и т. д. Для наблюдения за введением новых реформ учреждалась на один год международная комиссия. 11 декабря Порты была приглашена принять участие в заседаниях конференции. Совещания длились по 8 января 1877 г., и конференция кончилась ничем. 15 января представители великих держав и русский посол Игнатьев оставили Константинополь. После этого Порты, по совету Англии отвергая вмешательство держав в ее внутренние дела, изъявила готовность по собственному почину произвести реформы на всем пространстве империи, с Сербией был заключен мир, велись мирные переговоры и с Черногорией. Казалось, была еще некоторая надежда на мирное разрешение восточного вопроса. 19 марта представители шести великих держав подписали в Лондоне протокол, которым отмечали некоторые шаги Порты к реформам и прибавляли, что они будут следить за дальнейшими действиями Порты в этом направлении. В случае же неисполнения ею своих обещаний державы обещали принять сообща меры, которые они найдут наиболее целесообразными для обеспечения благосостояния христиан и интересов всеобщего мира. Лондонский протокол был сообщен Порте и 28 марта ею решительно отвергнут. 11 апреля русский поверенный в делах в Константинополе известил Порту, что ему приказано вместе со всеми чинами посольства и консулами порвать с Турцией дипломатические сношения и выехать из ее пределов, а 12 апреля в Кишиневе

император Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. Все европейские великие державы заняли выжидательное положение. Из балканских государств только Черногория выступила союзницей России и в день объявления Россией войны возобновила военные действия против турок. Сербия и Греция благодаря стараниям англичан заняли нейтральное положение; Румыния заключила с Россией конвенцию о пропуске русск. войск через ее владения, но хлопотала о нейтралитете, а потому и не принимала первоначально участия в войне; ее войска сосредоточились в западных областях и не соединялись с русскими. Только после того, как обращение Румынии к державам о нейтралитете осталось без ответа, она объявила Турции войну, и 10 мая румынские палаты провозгласили румынское княжество независимым. О восточной войне 1877—78 гг. — см. ниже.

Предварительные условия мира, подписанные в Адрианополе 19 января 1878 г., возбудили тревогу в Австрии и в особенности в Англии. Граф Андраши находил, что территория Болгарии определена слишком великой, а это невыгодно было, по его мнению, для Австрии, опасавшейся, вообще, образования обширного славянского государства на Балканском полуострове. Англия не доверяла заявлениям русских, что они не имеют в виду завладеть Константинополем, и старалась всеми силами противодействовать преобладающему влиянию России в восточном вопросе. Лорд Дерби поэтому заявил, что договор между Россией и Турцией

нуждается в утверждении великих держав, заключивших договор в 1856 и 1871 г., в тех своих частях, которые касаются этих именно договоров. Вместе с этим заявлением английское министерство испросило у парламента чрезвычайный кредит в 6 млн. фн. стерлингов для вооружений, а английской средиземной эскадре приказано было вступить в Дарданеллы. Приказание это было, впрочем, отменено, как только в Англии узнали, что Порта приняла целиком условия предварительного мира с Россией. Английская эскадра, вступившая было уже в Мраморное море, возвратилась на место своей обычной стоянки в бухте Безика. Узнав затем о занятии русскими войсками местности, отстоящей всего на три перехода от Константинополя, английское правительство вторично предписало в конце янв. 1878 г. своей средиземной эскадре вступить в Дарданеллы под предлогом ограждения англичан, проживающих в Т. столице, от фанатизма мусульман. Русские стали грозить занятием Константинополя. Несмотря на протесты султана Абдул-Гамида, по крайней мере, видимые, английская эскадра вошла в Мраморное море и стала 1 февраля на якоре у Принцевых островов. Под влиянием угроз России султан написал королеве Виктории письмо, прося отозвать английскую эскадру: но просьба его не вполне была уважена. Начальнику эскадры, адмиралу Горнби, было предписано только отойти от Принцевых островов и стать на якоре в заливе Мандании в Мраморном море. В конце января в Адрианополе

открылись переговоры о заключении «предварительного» мира. Ввиду воинственной демонстрации со стороны Англии уполномоченный России гр. Игнатьев потребовал перенесения главной квартиры и переговоров в Сан-Стефано, в 10 вер. от Константинополя. Порта долго медлила ответом, пока ей не был поставлен ультиматум, что если она в течение трех дней не даст ответа, русские войска двинутся к Константинополю. 12 февраля великий князь с главной квартирой и 10000 войска перешел в Сан-Стефано, и здесь 19 февраля был подписан [сан-стефанский прелиминарный мирный договор \(XXVIII, 375\)](#). Еще до заключения договора основные условия его вызвали возражения со стороны Австрии, и граф Андраши предложил созвать общеевропейскую конференцию в Вене; князь Горчаков соглашался, но вместо Вены предложил Баден-Баден или Дрезден. Остановились на Баден-Бадене, и гр. Андраши разослал было приглашения на эту конференцию. Когда же кн. Бисмарк и лорд Дерби отказались принять в ней личное участие, Горчаков обратился к Бисмарку с просьбой созвать в Берлине европейский конгресс под личным председательством Бисмарка, из первенствующих министров европейских держав. Заключение Сан-Стефанского мира вызвало осложнения в отношениях Англии и Австро-Венгрии к России. В Англии были созваны резервы, и лорд Биконсфильд стал преследовать прямо воинственную политику против России. Не соглашаясь с ним, лорд Дерби вышел в

отставку, и его место занял лорд Салисбюри. С Австрией дело обострилось также до того, что в русском Главном штабе был выработан уже план войны с ней и Англией и решено было сосредоточить войска, не бывшие в действии, на австрийской границе. 17 апреля был вызван в С.-Петербург и уволен от звания главнокомандующего вел. князь Николай Николаевич, и на его место был назначен ген.-адъют. Тотлебен. Ознакомившись с состоянием русской армии в Турции, недостатком обоза, провианта, смертностью ее от тифа, Тотлебен дал свое заключение далеко не в пользу войны. Решено было действовать поэтому дипломатическим путем, чтобы путем уступок предотвратить возможность войны. К середине мая состоялось соглашение между Англией и Россией, которая согласилась несколько видоизменить сан-стефанский договор. После этого 22 мая германское правительство разослало всем державам, участницам договора 1856 г., приглашение прислать представителей в Берлин для обсуждения сан-стефанского договора. 1 июня открылись заседания [берлинского конгресса \(III, 344—345\)](#) под председательством кн. Бисмарка, а 1 июля был подписан Берлинский трактат, в некоторых своих частях значительно видоизменивший сан-стефанский договор. [Н. Василенко.](#)

Ср. Moltke, «Der russisch-türkische Feldzug in der Europäischen Türkei 1828 u. 1829» (Б., 1845; 2 изд. 1877); Лукьянов, «Описание турецкой войны 1828 и 1829 гг.»

(1844); Ушаков, «История военных действий в Азиатской Турции 1828—1829 гг.» (1832); Valentini (Blesson), «Traité sur la guerre contre les Türcks» (1830); Rüstow, «Der Krieg in d. Türkei, 1876» (1883); Lurion, «La guerre Turko-Russo de 1877—78» (1878); Hartmann, «Krit. Versuche; D. Rus.-Turk. Kr. 1877—78» (1878); Green, Russian Army and its Camp. in Turkey 1877—78» (1879); Mayer, «Der Serbisch-türkische Krieg im J. 1876» (1877).

Ход военных действий отдельных кампаний. 1) *Война с Турцией при Анне Ивановне* (1725—39). В июне 1735 г. для войны с Турцией был вызван из Польши Миних, который решил сделать нападение на Крым. По болезни он не мог сделать это сам, и дело было поручено генерал-поручику [Леонтьеву](#) (XVII, 564). Имея под своим начальством до 20 тысяч войска, Леонтьев в конце лета вступил в черноморские земли, жестоко покарал ногайцев, но вследствие недостатка воды и продовольствия пришлось, не добравшись до Крыма, возвратиться в Украину. Вслед за тем Леонтьев был заменен фельдмарш. [Минихом](#) (XIX, 368), энергично принявшимся за приготовления к новому походу, который и начался ранней весной 1736 г. Армия была разделена на две части: главной назначено спуститься по Днепру и занять Крым; другой же части — идти от Изюма к Азову. При последней сначала находился сам Миних. Неожиданно явившись перед Азовом, он почти без выстрела захватил две Т. каланчи и с ничтожной

потерей овладел крепостью Лютик, а по прибытии ген. Левашова с подкреплениями сдал ему начальство и сам отправился к главной армии. Хотя по прибытии Миниха в Царицынку (18 апреля) оказалось, что войско еще в неполном сборе, но это не воспрепятствовало ему немедленно выступить в поход с тем, что было под рукой. Опрокидывая дорогой толпы татар, русские 28 мая дошли до Перекопа и 1 июня взяли его штурмом. Выдвинув затем особый отряд под начальством ген. Леонтьева к Кинбурну, Миних вступил в Крым и дошел до Бахчисарая, предавая все огню и мечу. Однако полное изнурение войск от непривычного климата и всякого рода лишений заставило его уже 17 июля вернуться в Перекоп, где он получил известие о занятии Кинбурна без боя. 28 августа войска наши, разорив перекопские укрепления, выступили в обратный поход и 27 сентября прибыли в Самару. Вслед за тем и оставленный у Перекопа для прикрытия обратного движения войск отряд ген. Шпигеля отошел к Бахмуту. Между тем, прибывший еще в начале мая на театр войны и назначенный начальником осадного корпуса под Азовом фельдмаршал [Ласси \(XVII, 367\)](#) успел овладеть этой крепостью. Оставив в ней гарнизон, он с остальными войсками двинулся было к Перекопу, но, встретив на пути отряд ген. Шпигеля, узнал об очищении Крыма нашими войсками. В следующую за тем зиму татары отомстили нам опустошительным набегом на Украину. Захваченные ими пленные были, впрочем, отбиты донским атаманом Краснощековым.

Действия наши против татар конечно возбудили сильнейшее негодование в Стамбуле, однако Т. правительство, озабоченное известиями о союзе России с Австрией, не предпринимало в течение 1736 г. ничего решительного. Завязанные было в Немирове переговоры не привели ни к каким результатам, и весной 1737 г. военные действия возобновились. Для развлечения внимания турок поручено было калмыцкому хану [Дондук-Омбо \(XI, 17\)](#) при содействии донских казаков произвести набег на Кубань, в земли ногайцев; а между тем Миних, усилив свою армию до 70 тыс., в исходе апреля переправился через Днепр и двинулся к Очакову. 2 июля крепость эта была взята, и в ней оставлен русский гарнизон под начальством Штофельна. Другая русская армия (около 40 тыс.), предводимая фельдмаршалом Ласси, двинулась с Дона к Азовскому морю; затем, наступая по Арабатской косе, переправилась через Сиваш против устья р. Салгир и вторгнулась в Крым. При этом весьма важное содействие ей оказал начальник Азовской флотилии, вице-адмир. [Бредаль \(IV, 633\)](#), доставивший к Арабатской косе разные запасы и продовольствие. В конце июля Ласси дошел до Карасубазара и овладел им; но по усилении болезненности в войсках и истощении провианта должен был оставить полуостров. Разорив на обратном пути Перекоп, он в начале октября был уже опять в Украине. Между тем Миних, готовившийся овладеть Бендерами, остановлен был в этом предприятии нападением турок на Очаков. Крепость,

однако же, устояла благодаря героической защите гарнизона; но Миних, успокоившись насчет ее участи, уже ничего не предпринимал против Бендер, а выступал обратно в пределы России. Подобно предыдущим, кампания 1737 г. благодаря климатическим условиям и скоплению всяких непорядков в администрации войск стоила нам огромных потерь в людях; а вследствие падежа лошадей пришлось на обратном пути оставить часть артиллерии в Очакове и в устроенном на р. Буге укреплении Андреевском. Союзникам нашим, австрийцам, счастье тоже не благоприятствовало, так что они завязали с турками мирные переговоры, к которым приступило и наше правительство. Ободрившийся неприятель предъявил, однако, такие требования, согласиться на которые признано было невозможным. Война возобновилась; но кампания 1738 г. была неудачна для союзников. Миних с своей ослабленной армией, в пополнении которой ему было отказано, с большими затруднениями дошел в начале августа до Днестра; но узнав, что по ту сторону реки стоит сильная Т. армия и что в Бессарабии появилась чума, Миних решился на отступление. Обратное движение в Украину по безводной и пустынной местности, при непрестанно угрожавшей опасности от преследовавших армию татар снова повлекло за собой весьма чувствительные потери. Поход Ласси в Крыму, по опустошенным еще в прошедшем году местам, тоже был бедственным, так как на этот раз Т. флот воспрепятствовал вице-адм. Бредалю доставлять

сухопутной армии нужные припасы. Войска наши должны были оставить Крым и в конце августа возвратились в Украйну. Для австрийцев год этот был особенно несчастлив: одно поражение следовало за другим. Ряд всех этих неудач не повел, однако, к заключению мира. Изменен был только план действий на будущую кампанию, Ласси должен был ограничиваться обороной Украины. Положено вывести наши войска из Очакова и Кинбурна, где они быстро таяли от разных болезней и трудов. Миниху разрешено действовать по личному усмотрению, и армия его была усилена. В начале июня 1739 г. он перешел Днепр; 15 авг. был уже за Днестром, а 27 одержал блестящую победу при [Ставучанах \(XXXI, 396\)](#), последствием коей была сдача русским крепости Хотин. Политические обстоятельства воспрепятствовали дальнейшим успехам Миниха, и между воюющими сторонами был заключен мир.

2) *Первая Турецкая война Екатерины II (1768—1774)*. Русские войска разделены были на 3 армии: главная, под начальством кн. Голицына (ок. 65 тыс.), собиралась у Киева; вторая армия, Румянцева (до 43 тыс.), должна была защищать южные границы наши от вторжений татар и располагалась у Полтавы и Бахмута; третья армия, ген. Олица (до 15 тыс.) — около Дубна, назначалась для содействия главной. Уже в январе 1769 г. татары произвели набег в Новороссию, но встретили надлежащий отпор; затем предпринята была с нашей

стороны экспедиция к Азову, который 6 марта и занят был отрядом ген. Берга. В конце марта войска главной армия стали сосредоточиваться у Старо-Константинова, и кн. Голицын, побуждаемый просьбами молдавского епископа Досифея поспешить в Молдавию для принятия ее в подданство императрицы, решился начать наступление, несмотря на то, что ряды его полков еще не были окончательно пополнены. 15 апреля он перешел Днестр, но перед движением в Яссы попытался овладеть Хотиним. Попытка не удалась, а между тем в войсках обнаружился недостаток в продовольствии; пришлось возвратиться в Подолию, где затем кн. Голицын целых 2 месяца оставался в бездействии. Румянцев, желая отвлечь внимание турок от Подолии и в то же время сблизиться с главной армией, в начале мая перешел с двумя дивизиями через Днепр и направился к Елисаветграду, приказав вместе с тем ген. Бергу произвести от Бахмута диверсию к Крымскому полуо-ву. Между тем турки переправились через Дунай и заняли Молдавию, а польские конфедераты, ободренные отступлением кн. Голицына, усилили партизанские действия. Наступательное движение турок шло медленно вследствие затруднений по устройству мостов на Дунае и по организации продовольственной части. Тем не менее, благодаря бездействию кн. Голицына они в течение мая успели собрать на Днестре весьма крупные силы, а 3 июня верховный визирь перевел свою армию через р. Прут и расположился у Рябой Могилы, но до половины месяца

ничего не предпринимал. Затем, послав часть своих войск к Хотину для содействия конфедератам, он сам с главными силами двинулся к Бендерам, намереваясь оттуда идти на Елисаветград против Румянцева. Между тем Голицын, приведя свою армию в готовность к возобновлению военных действий, снова стал угрожать Хотину. Тогда визирь, опасаясь за участь крепости и получая преувеличенные сведения о силах Румянцева, отказался от вторжения в Новороссию и двинулся на Хотин, но дойдя 20 июля до Рябой Могилы, остановился, а к Хотину пошли только татары под начальством Девлет-Гирея. Узнав о приближении их и довольствуясь тем, что отвлек визиря от движения в Новороссию, Голицын опять отступил за Днестр и 3 августа расположился у с. Княгинина. 27 августа турки (в числе около 80 тыс.) атаковали нашу главную армию, но были отброшены за реку, а 6 сентября другой значительный отряд их, перешедший на левый берег Днестра, был нами атакован и совершенно уничтожен. Эти неудачи, недостаток продовольствия и происшедший в Т. армии бунт заставили нового ее главнокомандующего Молдаванчи-пашу отступить к Яссам, а потом к Рябой Могиле. Значительная часть его войск разбежалась, а оставленный под Хотинским Девлет-Гирей после отступления турок тоже ушел к Рябой Могиле. 9 сентября Хотин был занят русскими войсками, после чего Голицын отошел к Меджибожу, чтобы сблизиться со своими магазинами, выслав в то же время отряд ген. Эльмпта к Яссам, которые и были

заняты 26 сентября. Узнав о том, визирь ушел в Исакчу, крымский хан распустил свои полчища, и на левом берегу Дуная остались лишь незначительные гарнизоны в Т. крепостях. Ген. Эльмпт, приведя яских обывателей к присяге на подданство императрице и оставив в Молдавии небольшой отряд под начальством кн. Прозоровского, в начале октября возвратился в Подолию. Между тем императрица, недовольная Голицыным, назначила на его место Румянцева; 2-я же армия вверена гр. [П. И. Панину](#) (XII, 695). Так как турки ушли за Дунай, а конфедератские шайки были рассеяны, то Румянцев ввиду наступления холодов отложил возобновление военных действий до весны и расположил войска главной армии по квартирам между Днестром, Бугом и Збручом. Однако для защиты Молдавии находившийся в ней отряд был усилен и поручен начальству ген. Штофельна; в конце же ноября русские войска заняли Бухарест и выдвинули передовые отряды до левого берега Дуная. Войска 2-й армии в течение кампании 1769 г. ограничивались мелкими стычками у пограничных пунктов; предпринятая же в июне экспедиция ген. Берга в Крым не имела успеха: трава в степи выгорела, и отряд наш вынужден был возвратиться. Гр. Панин, вступив в командование 2-ю армией, покушался овладеть Бендерами, но за неимением осадной артиллерии должен был отказаться от этого предприятия. В ту же кампанию отряды ген. Медема и Тотлебена успешно действовали на Кавказе и заставили кабардинцев и обывателей верховьев Кубани

признать над собой русскую власть. В течение зимы турки неоднократно пытались вытеснить нас из Валахии, но безуспешно. По составленному Румянцевым на 1770 г. плану военных действий главная армия должна была препятствовать переправе турок через Дунай, а 2-я, действуя в связи с ней, овладеть Бендерами и продолжать охранение южных границ. Важное назначение дано находившемуся в Средиземном море русскому флоту: он должен был поддерживать восстание греков в Море и Архипелаге и стараться проникнуть в Дарданеллы, угрожая Константинополю (ср. [Архипелагская экспедиция](#)). Наступление Румянцева, спешившего предупредить турок в Молдавии, крайне замедлилось весенней распутицей, а также известиями о появлении в Дунайских княжествах чумы, так что он, двигаясь левым берегом Прута, только 2 июня подошел к с. Цицора (30 вер. от Ясс) и тут вошел в связь с молдавским корпусом нашим. Между тем главные силы 2-й армии в начале июня перешли через Буг и расположились на р. Кодыме; отряд же ген. Берга назначен по-прежнему для экспедиций против Крыма. Действия главной армии в эту кампанию были блистательны и ознаменовались победами при [Рябой Могиле \(XXVII, 512\)](#), [Ларге \(XVII, 350\)](#) и [Кагуле \(XIII, 868\)](#), где турки и татары потерпели страшный разгром. Крепости Измаил и Килия сдались отряду Репнина (который заменил умершего Штофельна); в ноябре пал Браилов, и к концу того же месяца главная армия расположилась по квартирам в Молдавии и Валахии.

Действия гр. Панина тоже шли успешно: 16 сентября он овладел Бендерами, а 28 был взят Аккерман. Почти одновременно с Кагульским боем турки потерпели разгром на море: их флот, стоявший в заливе у крепости Чесма (см.), был сожжен нашими брандерами. Результатом кампании 1770 г. было: 1) прочное занятие нами дунайских княжеств и 2) отпадение от Турции кочевавших между низовьями Днестра и Буга Буджакской и Едисанской орд, что в свою очередь повлияло и на крымских татар. Смена Каплан-Гирея Селимом подготовила раздор между турками и крымцами, и этим решено было воспользоваться в следующую кампанию, главной целью которой поставлено было овладение Крымом. Исполнение этого предприятия возлагалось на 2-ю армию, состав коей был усилен, а начальство вверено кн. Долгорукову. Между тем султан, несмотря на громадные затруднения, успел реорганизовать свою армию; значительные силы были сосредоточены в придунайских крепостях, и уже с мая 1771 г. Т. отряды стали делать набеги в Валахию и старались вытеснить оттуда русские войска. Ряд этих попыток, продолжавшихся до глубокой осени, в общем был совершенно неуспешен. Между тем кн. Долгоруков, выступивший в поход еще в начале апреля, в конце июня овладел Перекопом, а вслед за тем русские войска заняли Кафу (Феодосия) и Козлов (Евпатория). Существенное содействие главным силам оказали при этом отряд кн. Щербатова, наступавший от Геническа по Арабатской косе, и Азовская флотилия,

предводимая Сенявиным. Все эти успехи, равно как слабость помощи, оказанной Турцией татарам, склонили последних к заключению с кн. Долгоруким договора, по которому Крым объявлялся независимым под покровительством России. Затем, кроме оставленных в некоторых городах гарнизонов, войска наши выведены были из Крыма и расположились на зимовку в Украине. Между тем успехи русского оружия начали сильно тревожить наших западных соседей: австрийский министр [Кауниц](#) ([XIV, 771](#)) через прусского короля Фридриха II (тоже боявшегося усиления России) предложил императрице свое посредничество для заключения мира с султаном; Екатерина отклонила это предложение, заявив, что уже сама повелела открыть с турками переговоры. Распря свою с Турцией она и действительно желала окончить ввиду обострившихся отношений к Швеции; недоразумения же с Австрией и Пруссией были улажены преимущественно путем раздела польских владений. Почти весь 1772 г. и начало 1773 г. шли в Фокшанах и Букаресте переговоры с Т. уполномоченными; но так как Порта, подстрекаемая французским послом, не соглашалась на признание независимости Крыма, то весной 1773 г. война возобновилась. В течение апреля и мая русские отряды Вейсмана, гр. Салтыкова и Суворова произвели ряд удачных поисков на правый берег Дуная, а 9 июня сам Румянцев с главными силами перешел Дунай у с. Гуробала (ок. 30 вер. ниже Силистрии). 18 июня он

подошел к Силистрии, овладел ее передовыми укреплениями, но для дальнейших действий против крепости признал свои силы недостаточными, а узнав о приближении 30 тыс. армии Нумана-паши, отступил к Гуробалу. Навстречу остановившимся у Кайнаржи туркам послан был Вейсман, который 22 июня атаковал и разбил неприятеля, но при этом сам был убит. Несмотря на эту победу, Румянцев все-таки не считал себя достаточно сильным для наступательных действий и отступил обратно за Дунай. Тогда турки сами перешли в наступление: в начале июля сильный отряд их вторгнулся в Мал. Валахию и взял Крайово; но предпринятые ими (в августе и сентябре) попытки против Журжево и Гирсова кончились неудачей. Императрица настойчиво требовала возобновления решительных наступательных действий за Дунаем; однако Румянцев ввиду позднего времени года не признал этого возможным, а ограничился высылкой (в конце сентября) на правый берег Дуная отрядов ген. Унгерна и кн. Долгорукова для очищения от неприятеля всей болгарской территории до линии Шумла — Варна. Эти отряды разбили турок у Карасу, но после неудачного нападения Унгерна на Варну возвратились на лев. берег, где расположилась на зимних квартирах вся армия Румянцева; на правом берегу только Гирсов занят был отрядом Суворова. Крайне недовольный безрезультатностью минувшей кампании Румянцев решил с наступлением весны 1774 г. проникнуть до самых Балкан вопреки тому, что армия его была весьма

ослаблена, что он оставлял при этом у себя в тылу сильные Т. крепости и что на Черном море господствовал неприятельский флот. Для облегчения действий армии Румянцева и отвлечения внимания турок наша эскадра в Архипелаге была усилена, а 2-я армия назначалась для осады Очакова. Кампания 1774 г. открылась во 2-й половине апреля: корпуса гр. Каменского и Суворова перешли Дунай, очистили от неприятеля Бабадагскую область, заняли г. Базарджик, а 9 июня разбили турок у Козлуджи. Вслед за передовыми корпусами перешли на левый берег Дуная главные силы Румянцева (у Силистрии, Туртукая и Гуробала). Между тем Каменский и Суворов после победы у Козлуджи подошли к Шумле и приступили к блокаде ее. Появление отряда бригадира Заборовского у Чалькивака, на сообщениях Шумлы с Константинополем, решило участь кампании. Панический страх овладел турками; гарнизон Шумлы поднял мятеж, и хотя визирь усмирил его, однако, сам пришел к убеждению в невозможности продолжать войну. Так как просьба его о перемирии была Румянцевым отклонена, то приступили к переговорам о мире, который и был 10 июля подписан в с. [Кучук-Кайнарджи \(XVII, 144\)](#).

3) *Вторая Турецкая война Екатерины II (1787—1791)*. Уже через неделю после объявления войны, состоявшегося 13 авг. 1787 г., Т. флотилия атаковала два русских судна, стоявшие около Кинбурна, и принудила

их отступить в лиман; однако предпринятые затем (в сент. и окт.) попытки овладеть Кинбурном, который защищаем был Суворовым, кончились весьма неудачно (см. [Кинбурн](#)). Окончание этого года ознаменовалось успешным набегом ген. Текелли на Кубань; других военных действий не происходило, так как русских войск в Украине хотя и было достаточно для обороны страны, но для наступательных операций они еще не были готовы. К счастью для нас, и Т. армия еще далеко не находилась в полном сборе; а между тем за зиму, Россия успела изготавиться и скрепила союз с Австрией, заручившись от имп. Иосифа II обязательством поддерживать нас и объявить Т. войну. Турки же, узнав об угрожающей им с двух сторон опасности, решились сначала ударить на австрийцев, с которыми надеялись легче управиться, а против России ограничиться до времени усилением дунайских крепостей и высылкой флота для поддержки Очакова и нападения на Херсон. К весне 1788 г. образованы были на юге две армии: главная, или Екатеринославская (около 80 тыс.), под начальством Потемкина должна была овладеть Очаковым, откуда туркам было удобно возбуждать смуты в Крыму; вторая, Украинская армия Румянцова (до 37 тыс.), должна была держаться между Днестром и Бугом, угрожать Бендерам и поддерживать связь с австрийцами; наконец, отряд ген. Текели (18 тыс.) стоял на Кубани для защиты рус. пределов с вост. стороны Черного моря. Австрия, с своей стороны, выставила весьма сильную армию под начальством

Ласси, который, однако, увлекаясь так называемой [кордонной системой \(XVI, 222\)](#), чрезмерно разбросал свои войска, и это вызвало последующие крупные неудачи. 24 мая часть русской главной армии (40 тыс.) двинулась от Ольвиополя к Очакову, правым берегом Буга, в лимане которого уже стояла вновь сооруженная русская флотилия. 7 июня Т. флот (60 судов) атаковал ее, но был отражен, а новая, предпринятая им 17 июня атака кончилась полным его разгромом и бегством в Варну; 30 поврежденных судов, укрывшихся под стенами Очакова, были здесь 1 июля атакованы и истреблены эскадрой принца [Нассау-Зигена \(XX, 657\)](#). Между тем Потемкин обложил крепость и приступил к осадным работам (ср. [Очаков](#)). Румянцев, сосредоточив в половине мая свою армию в Подолии, отделил отряд ген. Салтыкова для связи с австрийскими войсками принца Кобургского и для содействия им в овладении Хотиным; главные же силы Украинской армии 20 июня перешли через Днестр у Могилева; однако до серьезного столкновения с турками, сосредоточившимися у Рябой Могилы, дело не дошло, и все лето проведено в маневрированиях. Затем, после сдачи Хотина (где оставлен австрийский гарнизон), отряд Салтыкова назначен был для прикрытия со стороны Бендер лев. крыла Украинской армии, расположившейся между Прутом и Днестром. Когда же турки ушли от Рябой Могилы, то войска наши заняли зимние квартиры, частью в Бессарабии, частью в Молдавии. Принц Кобургский передвинулся к З для

сближения с австрийскими войсками в Трансильвании. 6 октября пал Очаков, и главная армия после этого расположилась на зимовку между Бугом и Днестром. Действия ген. Текелли были успешны: он неоднократно разгонял скопища татар и горцев, угрожая в то же время Анапе и Суджук-кале. Что касается союзников наших, то кампания 1788 г. была для них очень несчастлива: турки вторгнулись в австрийские пределы, и после одержанных ими побед при Мегадии и Слатине Иосиф II согласился на 3-месячное перемирие, которое визирь предложил ему, узнав о падении Хотина и опасаясь, что Румянцев и принц Кобургский двинутся в тыл Т. армии. По предначертанному для кампании 1789 г. плану Румянцеву указано наступать к Нижн. Дунаю, за которым сосредоточивались главные силы турок; Ласси должен был вторгнуться в Сербию, Потемкин — овладеть Бендерами и Акерманом. Но к весне Украинская армия доведена была лишь до 35 тыс., что Румянцев признавал недостаточным для решительных действий; Екатеринославская армия все еще оставалась на зимних квартирах, а сам Потемкин жил в Петербурге; австр. войска Ласси были по-прежнему разбросаны по границе; корпус же принца Кобургского находился в сев.-зап. Молдавии. Между тем визирь еще в начале марта выслал на лев. берег Нижн. Дуная два отряда, силой в 30 тыс., рассчитывая разбить порознь принца Кобургского и передовые рус. войска и овладеть Яссами, для поддержки же помянутых отрядов выдвинут был к Галапу 10-тыс. резерв. Расчет визиря

не оправдался: принц Кобургский успел отступить в Трансильванию, а высланная Румянцевым навстречу туркам дивизия ген. [Дерфельдена \(X, 477\)](#) нанесла туркам трехкратное поражение: 7 апр. — у Бырлада, 10-го у Максимени и 20-го — у Галаца. Вскоре за тем Румянцев заменен был кн. Репниным, и обе наши армии соединены в одну, Южную, под начальством Потемкина. По прибытии к ней, в начале мая, он разделил свои войска на 5 дивизий; из них 1-я и 2-я только в конце июня собрались у Ольвиополя; 3-я, Суворова, стояла у Фальчи; 4-я, кн. Репнина — у Казнешти; 5-я, Гудовича; — у Очакова и Кинбурна. 11 июля Потемкин с двумя дивизиями начал наступление к Бендерам. Визирь двинул 30-тысячный корпус Осман-паши в Молдавию, надеясь разбить находившиеся там русские и австрийские войска до приближения Потемкина; но Суворов, соединившись с пр. Кобургским, 21 июля атаковал и разбил турок под Фокшанами. Между тем Потемкин подвигался вперед крайне медленно и только около 20 августа подошел к Бендерам, куда притянул и значительную часть находившихся в Молдавии рус. войск. Тогда визирь снова перешел в наступление, думая воспользоваться ослаблением наших сил в княжестве. Собрав до 100 тыс. войска, он в конце авг. перешел Дунай и двинулся к р. Рымник, но здесь 11 сент. потерпел совершенный разгром от войск Суворова и пр. Кобургского (см. [Рымник](#)). За несколько же дней перед тем другой Т. отряд был разбит на р. Салча кн. Репниным. Победа

Рымникская была настолько решительна, что союзники могли бы беспрепятственно перейти Дунай; но Потемкин, удовлетворившись ею, продолжал стоять у Бендер и только приказал Гудовичу овладеть укреплениями Гаджи-бей и Аккерман. Когда это было исполнено, то 3 ноября наконец сдались и Бендеры, чем кампания была закончена. Со стороны австрийцев главная армия в течение лета ничего не предпринимала и только 1 сент. перешла Дунай и осадила Белград, который 24 сент. сдался; в октябре были взяты еще некоторые укрепленные пункты в Сербии, а в начале ноября пр. Кобургский занял Бухарест. Несмотря, однако, на ряд тяжелых ударов, султан решился продолжать войну, так как Пруссия и Англия обнадеживали его поддержкой. Прус. король, встревоженный успехами России и Австрии, заключил в янв. 1797 г. договор с Портой, которым гарантировал неприкосновенность ее владений; кроме того, он выставил на рус. и австр. границах многочисленную армию и в то же время подстрекал шведов, поляков и венгерцев к враждебным действиям. Кампания 1790 г. началась для австрийцев крупной неудачей: принц Кобургский был разбит турками под Журжей. В феврале того же года умер имп. Иосиф II, а преемник его, Леопольд II, склонился на открытие мирных переговоров при посредстве Англии и Пруссии. Созван был конгресс в Рейхенбахе; но имп. Екатерина отказалась от участия в нем. Тогда турецкое правительство, ободренное благоприятным для него

оборотом дел, решило попытаться вновь овладеть Крымом и прикубанскими землями, а на Нижн. Дунае ограничиться обороной. Но действия на Черном море были опять неудачны для турок: их флот испытал двукратное (в июне и авг.) поражение от контр-адмирала Ушакова. Тогда наконец и Потемкин решился перейти в наступление. Одна за другой пали Килия, Тульча, Исакча; но Измаил, обороняемый многочисленным гарнизоном, продолжал держаться и только 11 дек. был взят Суворовым после кровопролитного штурма (ср. [Измаил](#)). На Кавказе Т. корпус Батал-паши, высадившийся у Анапы, двинулся в Кабарду, но 30 сент. был разбит ген. [Германом](#) ([VIII, 531](#)); а рус. отряд ген. Розена подавил восстание горцев. В конце февраля 1791 г. Потемкин уехал в Петербург, и начальство над армией принял Репнин, поведший дело более энергично. Он перешел Дунай у Галаца и 28 июня одержал у Мачина решительную победу над визирем. Почти одновременно на Кавказе Гудович овладел Анапою. Тогда визирь вступил с Репниным в переговоры о мире, но Т. уполномоченные всячески затягивали их, и только новое поражение Т. флота у [Калакрии](#) ([XIV, 1](#)) ускорило ход дел, и 29 дек. 1791 г. в Яссах был заключен мир.

Война 1806—12 гг. Война началась с того, что в окт. 1806 г. повелено ген. [Михельсону](#) ([XIX, 501](#)) занять княжества Молдавию и Валахию, хотя война формально и не была еще объявлена. Численность его армии

доходила всего до 40 тыс. 11 ноября русские войска начали переходить Днестр; коменданты крепостей Хотин, Бендеры, Акерман и Килия уступили их без боя; но паша, начальствовавший в Измаиле, не поддавался увещаниям Михельсона, заверявшего, что мы вступаем в княжества лишь для спасения Турции от честолюбивых замыслов Бонапарта. В то же время руцукский комендант Мустафа-паша выслал отряд войск к Букаресту, заняв который, турки стали предаваться всяческому насилиям над жителями, но 13 декабря были вытеснены отрядом генерала Милорадовича и ушли в Журжу. Предпринятая почти одновременно с этим попытка ген. Мейендорфа овладеть Измаилом, кончилась неудачей. Между тем Михельсон, расположив свои войска на зимних квартирах в княжествах, вступил в сношения с сербами, которые под предводительством Кара-Георгия еще в 1801 г. восстали против Т. власти. Только 18 дек. последовало со стороны Турции объявление войны; армии верховного визиря приказано поспешно сосредоточиваться у Шумлы, а боснийскому паше с 20 тыс. двинуться против сербов, которым 30 ноября удалось взять Белград. Несмотря на протесты англ. посла, боровшегося в Константинополе с франц. влиянием, ему не удалось помешать разрыву с Россией. Тогда он выехал из Т. столицы на эскадру адмир. Дукворта, а в конце января 1807 г. эскадра эта силой прорвалась через Дарданеллы и остановилась против султанского дворца. По наущениям Себастиани Порта

завязала с англичанами письменные переговоры, а пока они тянулись, стала энергически укреплять Дарданелльский проход, угрожая пути отступления эскадры Дукворта. Последний понял это и в конце февраля ушел из-под Константинополя. Вслед за тем Порта заключила союз с Францией, Англии же объявила войну. Формирование Т. армии шло медленно; но этим нельзя было воспользоваться, так как новое столкновение с Наполеоном не позволяло усилить войска в княжествах; поэтому в начале 1807 г. Михельсону приказано было ограничиваться обороной; наступательные же действия возлагались на Черноморский флот и эскадру Сенявина, крейсировавшую в Средиземном море, а также на русские войска, находившиеся в Грузии. Михельсон, считая опасным оставлять Измаил во власти турок, положил овладеть этой крепостью и послал к ней корпус генерала Мейендорфа, который, однако, ничего не мог сделать и простоял у Измаила с начала марта до конца июля, ограничиваясь лишь отражением Т. вылазок. Корпус гр. Каменского I, двинутый к Браилову, тоже не имел успеха и после нескольких дел с неприятелем отступил за р. Бузео. Милорадович, направленный на Журжу, успел разбить Т. отряд у с. Турбат, но в начале апреля тоже отошел к Бухаресту. Тем временем визирь, собрав армию под Шумлой, готовился вторгнуться в Валахию, но был задержан вспыхнувшим в Константинополе бунтом янычар, которые свергли Селима и провозгласили султаном

Мустафу IV. Когда последний заявил намерение энергически продолжать войну, то визирь с 40-тыс. армией перешел Дунай у Силистрии и двинулся к Бухаресту, рассчитывая на дороге соединиться с корпусом рущукского паши Мустафы, следовавшего туда же от Журжи. Соединение это не удалось: 2-го июня Милорадович разбил у Обилешти авангард визиря, который после этого опять ушел на правый берег Дуная. Тем временем Сенявин разгромил Т. флот у Афонской горы; сербы, поддержанные русским отрядом Исаева, тоже одержали несколько успехов. В Закавказье гр. Гудович (IX, 860), вначале действовавший неудачно, 18 июня разбил Юсуфа-пашу на р. Арпачай (II, 160). Черноморская эскадра контр-адмирала Пустошкина овладела Анапой. Ряд неудач, плохое состояние армии и утрата надежды на помощь Наполеона, заключившего с Россией мир в Тильзите, вынудили Порту принять сделанное Михельсоном предложение о перемирии, которое и было заключено 12 авг., сроком по 3 марта 1808 г.: русские войска должны были очистить княжества, и Турции возвращались захваченные корабли и о-в Тенедос; турки же обязывались не вступать в княжества и прекратить военные действия в Сербии. Во время переговоров Михельсон умер, а заступивший его место генерал Мейендорф ратификовал перемирие и приказал войскам выступить обратно в пределы России. Но едва лишь началось это выступление, как турки стали вторгаться в Валахию и предаваться там грабежу.

Император Александр I остался крайне недоволен такими условиями перемирия, равно как распоряжениями Мейендорфа, тем более, что за окончанием войны с Наполеоном к Дунайской армии направлены были подкрепления, увеличивавшие ее силу до 80000. Очищение княжеств повелено было остановить, и на место Мейендорфа главнокомандующим назначен был кн. [Прозоровский \(XXV, 368\)](#). Ему предписывалось поставить другие условия перемирия, но Порта не изъявила на то согласия. Тем не менее, военные действия не возобновлялись, так как в это время шли переговоры об окончательном мире, начатые в Париже при посредничестве Наполеона; однако с отъездом его в Испанию они были прекращены. В начале 1808 г. опять начали переговариваться, но на этот раз не с визирем, а с влиятельнейшим из Т. пашей, Мустафой (рущукским). Переговоры были прерваны новым переворотом в Турции, где султаном провозглашен Махмуд II. Мустафа, сделавшись теперь верховным визирем, отверг все требования России и стал деятельно готовиться к войне. После эрфуртского свидания русского и франц. императоров переговоры возобновились, но не надолго: в ноябре Мустафа был убит янычарами; Порта, подпавшая теперь влиянию Англии и Австрии, выказала решительное упорство, и 12 марта 1809 г. появился султанский фирман с объявлением войны. За Кавказом в 1808 г. дела приняли неблагоприятный оборот: местное население,

подстрекаемое персидскими и Т. агентами, волновалось; имеретинский царь Соломон явно восстал против России; персияне, по внушениям Англии, не соглашались на предполагавшееся установление границы и заявляли притязания на Грузию. Чтобы смирить их, гр. Гудович подступил к Эривани; но предпринятый им 17 ноября штурм был отбит и стоил больших потерь; однако несколько персидских отрядов, вторгнувшихся в Грузию, были разбиты. Кампанию 1809 г. кн. Прозоровский решил начать покорением Т. крепостей на левом берегу Дуная и прежде всего — Журжи; но штурмы как этой крепости, так и Браилова кончились неудачей. Между тем государь требовал решительных действий; престарелый и хворый главнокомандующий противопоставлял ему разные причины невозможности ранее осени переходить Дунай. Тогда в помощники Прозоровскому послан был кн. [Багратион \(II, 654\)](#). В конце июля корпус ген. Засса переправился через Дунай у Галаца и затем без выстрела овладел Исакчей и Тульчей; авангард атамана [Платова \(XXIII, 836\)](#) вступил в Бабадаг, после чего перешли на правый берег Дуная и главные силы. 9 августа кн. Прозоровский умер, и начальство над армией перешло к Багратиону. Легкость переправы через Нижний Дунай объяснялась малочисленностью находившихся там Т. войск, так как главные силы свои визирь двинул в Сербию еще в начале мая. В то время князь Прозоровский признал возможным отделить в помощь сербам лишь 3-тыс. отряд Исаева, который

скоро принужден был вернуться в Валахию; а между тем Сербия подвергалась страшному разгрому и жители толпами спасались в австрийские пределы. По переходе главных сил кн. Багратиона через Дунай в Бол. Валахии оставлен был корпус ген. Ланжерона, а у Бузео — корпус Эссена, предназначенный для поддержки, в случае надобности, русских войск в Бессарабии. Багратион, удостоверившись в слабости противника на Нижнем Дунае, решил попытаться овладеть Силистрией, к которой 14 августа и начал наступать, а через несколько дней после того отряды ген. Маркова и Платова овладели Мачиным и Гирсовым. Между тем, благодаря субсидиям Англии Т. армия была значительно усилена, и верховный визирь возымел намерение, пользуясь удалением главных русских сил к Нижнему Дунаю, вторгнуться в Валахию, овладеть Букарестом и тем заставить Багратиона отступить на левый берег Дуная. Во 2-й половине августа он начал переправлять свои войска у Журжи. Ланжерон, узнав о том, решился, несмотря на незначительность своих сил, идти на встречу туркам и приказал ген. Эссену, передвинувшемуся к Обилешти, присоединиться к нему. 29 августа у дер. Фрасине (9 вер. от Журжи) они атаковали Т. авангард и разбили его наголову. Между тем сам визирь, получая тревожные известия из-под Силистрии, не трогался из Журжи. Тем временем Багратион продолжал свое наступление; 4 сентября разбил у [Рассевата \(XXVI, 321\)](#) корпус Хозрева-паши, а 18-го остановился перед Силистрией. За 4 дня перед

тем крепость Измаил сдалась отряду ген. Засса. Визирь, узнав о Рассеватском поражении, перевел свою армию из Журжи обратно в Руцук и послал приказание войскам, действовавшим против сербов, спешить туда же. Таким образом грозивший Сербии окончательный разгром был отстранен; оставленный там Т. отряд отступил к г. Ниш. Между тем у Багратиона родились опасения англо-турецкой высадки в Добруджу и наступления Т. войск от Варны; поэтому он перевел оставленный у Исакчи и Бабадага корпус гр. Каменского I к Коварне, корпус Эссена — к Бабадагу, а отряд Засса оставил в Измаиле. Для действий против Силистрии осталось у него не более 20 т.; осада крепости шла вяло, а когда приблизился к ней визирь с главными силами Т. армии, то Багратион признал нужным отступить к Черноводам, приказав в то же время Каменскому I отойти до Кюстенджи. Вслед за тем он обратился в Петербург за разрешением отвести армию на левый берег Дуная ввиду неимения на правом берегу достаточного продовольствия, а также по причине опасности уничтожения мостов ледоходом. При этом он обещал ранней весной снова перейти Дунай и двинуться прямо к Балканам. Последним действием этой кампании была осада ген. Эссеном Браилова, который сдался 21 ноября. Государь, хотя и крайне недовольный бесплодием предшествовавших действий, согласился, однако, на ходатайство Багратиона, но с тем условием, чтобы на правом берегу Дуная оставались занятыми Мачин, Тульча и Гирсово.

На Кавказе еще в начале 1809 г. место Гудовича заступил Тормасов. Угрожаемый со стороны Персии и Турции, он не отваживался на наступательные действия, но, когда персияне ворвались в русские пределы, встретил их на р. Шамхоре и заставил отступить, после чего они опять завязали переговоры о мире. Пользуясь этим, Тормасов послал отряд кн. Орбелиани для овладения крепостью Поти, служившей пунктом сношений турок с Абхазией и Имеретией: крепость была взята 16 ноября. Другой отряд, посланный в Имеретию, захватил в плен ее царя Соломона, и обыватели присягнули на верность России. К Анапе, укрепления которой были возобновлены турками, послана была из Севастополя эскадра с десантными войсками. Крепость эта была взята 15 июля и занята русским гарнизоном. Между тем кн. Багратион, огорченный неодобрением государя, испросил увольнения от звания главнокомандующего, и на его место назначен был гр. Каменский II, только что отличившийся в войне против Швеции. В начале марта 1810 г. он прибыл к дунайской армии, силы которой доходили до 78 тысяч, и, кроме того, направлена была для подкрепления ее еще одна пехотная дивизия. План действий нового главнокомандующего был следующий: корпуса Засса и Ланжероиа переправляются у Туртукая и осаждают Руцук и Силистрию; корпус гр. Каменского I направляется на Базарджик; главные силы (наполовину ослабленные отделением войск для осады крепостей) наступают на Шумлу; стоявший в Мал.

Валахи и отряд Исаева переходит в Сербию, против которой турки снова приняли угрожающее положение; для прикрытия Валахии оставляется отряд под начальством ген.-м. гр. Цукато. Неприятель в это время еще вовсе не был готов к войне, и сбор его войск у Шумлы сопряжен был с большими затруднениями. Гр. Каменский П, спеша воспользоваться этим, еще в середине мая перешел через Дунай у Гирсова и двинулся вперед; 19 мая Засс овладел Туртукаем; 22 взят штурмом Базарджик, 30 сдалась Силистрия, осажденная корпусами Ланжерона и Раевского, а 1 июня пал Разград. Русские передовые отряды заняли Балчик и линию Варна — Шумла. Денежные субсидии англ. правительства доставили, однако, туркам возможность продолжать войну; быстро набравшиеся войска отсылались к Шумле, Руцуку и на сербскую границу. Чтобы выиграть время, визирь предложил было заключить перемирие; но оно было отвергнуто. Между тем русская армия безостановочно двигалась к Шумле и к 10 июня обложила ее с трех сторон. Главнокомандующий, уверенный в слабости гарнизона, 11 июня предпринял штурм крепости, но после упорного 2-дневного боя убедился, что взять Шумлу открытой силой нельзя, и потому перешел к тесной блокаде. Он рассчитывал взять крепость голодом; но когда через несколько дней туда успел пройти большой транспорт с припасами, то и эта надежда исчезла. Между тем и на других пунктах театра войны успехи остановились; отовсюду требовали подкреплений, а

взять их было негде. Тогда главнокомандующий решил стянуть все свои силы к Рущуку, овладеть этой крепостью и, базируясь на нее, двинуться через Тырнов за Балканы. За оставлением корпуса гр. Каменского I для наблюдения за Шумлой и Варной главные силы подошли 9 июля к Рущуку, у которого присоединился к ним корпус Засса; 22 июля, после 10-дневного бомбардирования, предпринят был штурм, но он был отбит и стоил нам огромных потерь. Между тем визирь, узнав об отбытии русских главных сил, несколько раз пытался атаковать оставленные для наблюдения за Шумлой отряды, но 23 июля был совершенно разбит гр. Каменским I. Тем не менее, главнокомандующий приказал гр. Каменскому I отойти на линию Траянова вала и, разрушив укрепления Базарджика, Мачина, Тулчи, Исакчи, притянуть к себе оставленные в них гарнизоны; вместе с тем отряду Ланжерона, оставленному в Разграде, велено присоединиться к главной армии. Руцук продолжал оставаться в тесном обложении, а попытка турок освободить эту крепость кончилась 26 авг. несчастным для них сражением у [Батына \(III, 190\)](#), после чего русские отряды заняли Систов, Белу, Тырнов и Орсову. 15 сент. сдались Руцук и Журжа. У сербов благодаря посланным к ним сильным подкреплениям (сначала отряд О'Рурка, а потом корпус Засса) дела тоже пошли успешно, так что в начала октября Сербия была очищена от неприятеля. После падения Рущука гр. Каменский II двинулся 9 окт. вверх по Дунаю для овладения турецкими крепостями

вплоть до Сербской границы. Никополь и Турно сдались без сопротивления; в то же время отряд ген.-м. гр. [Воронцова \(VII, 222\)](#) овладел Плевной, Ловчей, Сельви и разрушил их укрепления. Зимний поход за Балканы главнокомандующий признал, однако, невозможным по продовольственным соображениям и потому решил оставить одну половину армии в занятых крепостях, другую же расположить на зимовку в княжествах. За Кавказом после бесплодных переговоров с персиянами военные действия возобновились и в общем были благоприятны, а после поражения неприятеля под [Ахалкалаками \(II, 526\)](#) персияне снова начали переговоры о мире. Действия Черноморского флота ограничились покорением крепости Сухум-Кале. — Между тем, к началу 1811 г. отношения России к Франции настолько обострились, что предвещали близкую войну, и для усиления наших сил на зап. границе государь повелел гр. Каменскому II отделить от его армии 5 дивизий, отправить их за Днестр, а с остальными войсками ограничиться обороной занятых крепостей; вместе с тем ему предписывалось поспешить заключением мира, но с непременною условием признания границы по Дунай и исполнения прежних требований наших. Главнокомандующий указывал на невыполнимость этих повелений и предлагал энергическое наступление за Балканы. Тем временем Наполеон употреблял все усилия, чтобы воспрепятствовать заключению Турцией мира; об этом старалась тоже и Австрия. Подчиняясь их

влиянию, Порты напряженно собирала силы для нанесения русским чувствительного удара: войска ее стягивались в Этропольских Балканах, а у Ловчи выставлен был их авангард (15 т.) под начальством Осман-бея. Гр. Каменский II, ожидая утверждения своего плана движения за Балканы, вознамерился приготовить себе путь туда и для сего приказал отряду гр. Сен-При овладеть Ловчей, что и было исполнено 31 января; но вслед за тем по приказанию тяжко заболевшего главнокомандующего отряд этот возвратился к Дунаю. — Вскоре после того гр. Каменский II назначен был начальником 2-й запасной армии и в марте 1811 г. вызван из Турции, а Дунайская армия вверена ген. от инфантерии [М. И. Голенищеву-Кутузову \(XVII, 140\)](#). — Поставленный во главе армии, силы которой через удаление 5 дивизий чуть не наполовину уменьшились (осталось около 45 т.), новый главнокомандующий очутился в нелегком положении, тем более, что турецкая армия к весне 1811 г. возросла до 70 тыс. Ввиду этого Кутузов признал необходимым действовать с особенной осторожностью и, как он выразился, «держаться скромного поведения». Ознакомившись со своим противником еще в Екатерининские войны, он рассчитал, что турки ограничатся на Нижнем Дунае демонстрациями, а главные силы направят к Среднему Дунаю, чтобы, переправясь там, овладеть Бухарестом. Поэтому, уничтожив укрепления Силистрии и Никополя, Кутузов стянул свои главные силы к Рущуку и Журже. Войска

Засса в Малой Валахии и О'Рурка в Белграде прикрывали его правое крыло; левое же охранялось отрядами, расположенными на Нижнем Дунае и у Слободжи. Одновременно с этими подготовительными распоряжениями Кутузов вступил в мирные переговоры с визирем. Но так как имп. Александр не соглашался на уменьшение своих прежних требований, а турки, с своей стороны, тоже явились крайне неуступчивыми, то переговоры были прерваны. Бездействие русских убедило визиря в их слабости, а потому он решился начать наступление к Рущуку, а по овладении этой крепостью перейти Дунай и разбить Кутузова; в то же время другая турецкая армия, Измаил-бея, собранная у Софии, должна была переправиться около Виддина и вторгнуться в Мал. Валахию. По соединении обеих армий этих предполагалось овладеть Бухарестом. В начале июня визирь выступил из Шумлы, а 22 атаковал русских у Рущука, но потерпел поражение и отступил к заранее укрепленной позиции у с. Кадыкиой (15—20 в. к Ю от Рущука). Несмотря на одержанную победу, Кутузов по разным соображениям признал опасным оставаться под Рущуком, а потому, разрушив его укрепления, переправил все войска на левый берег. Затем, подкрепив отряды на правом и левом крылах и усилив укрепления Журжи, сам главнокомандующий с корпусом Ланжерона расположился в одном переходе к С от нее, рассчитывая в случае переправы визиря через Дунай нанести ему сильный удар. Вместе с тем, зная, что еще нельзя было ожидать скорого открытия войны

на нашей зап. границе, он просил разрешения придвинуть к Дунаю из Ясс 9-ю дивизию и из Хотина 15-ю. По отступлении Кутузова на левый берег визирь занял Руцук, но в течение всего июля не трогался оттуда, выжидая результатов действий Измаил-бея. Последний только в половине июля прибыл к Виддину и 20-го числа начал переправлять свои войска (около 20 тыс.) через Дунай. Заняв Калафат и сильно в нем окопавшись, он двинулся против отряда Засса (около 5 тыс.), но не мог овладеть малодоступной русской позицией. Когда 24 июля присоединились к Зассу отряды О'Рурка и гр. Воронцова и, кроме того, подошла к Дунаю наша флотилия, то Измаил-бей лишен был возможности ворваться в Малую Валахию. Между тем визирь решился переправиться на левый берег, чтобы, пользуясь огромным перевесом своих сил, разбить Кутузова и, угрожая сообщениям Засса, заставить его открыть дорогу Измаил-бею. Приготовления визиря продолжались долго, так что только в ночь на 24 авг. началась переправа его войск, в 4 вер. выше Руцука. К 2 сент. уже до 36 тыс. турок было на лев. берегу, где они, по своему обыкновению, немедленно окопались; на правом же берегу оставлено было до 30 тыс. Вместо того, чтобы немедленно атаковать Кутузова, у которого под рукою было не боле 10 тыс., визирь оставался на месте. Благодаря его бездействию главнокомандующий успел притянуть к себе отряд ген. Эссена, стоявший на р. Ольте (как репли́ для Засса), и, сознавая, что наступил критический момент войны, не стал выжидать

приказаний из Петербурга относительно 9-й и 15-й дивизий, но собственной волей распорядился ими: первой он послал приказание спешить к Журже, а второй — к Обилешти, для прикрытия лев. крыла армии со стороны Туртукая и Силистрии, откуда тоже угрожало появление неприятеля. С прибытием (1 сент.) 9-й дивизии силы Кутузова возросли до 25 т., и теперь он сам обложил укрепленный Т. лагерь, устроив линию редутов, примыкавшую флангами к Дунаю. В то же время созрел у него весьма отважный план: он решил переправить часть своих войск на правый берег, отбросить остававшуюся там часть Т. армии и таким образом отрезать у визиря его сообщения. Для выполнения этого предприятия еще с половины сент. началась заготовка на р. Ольте плотов и паромов. Между тем Измаил-бей дважды (17 и 30 сент.) атаковал Засса, чтобы открыть себе путь к Журже, но оба раза потерпел неудачу. Тогда визирь приказал ему возвратиться за Дунай, двинуться к Лом-Паланке, где собрано было много судов, и, переправясь там опять на левый берег, выйти в тыл Кутузову. Последний, своевременно узнав об этом замысле, послал к Лом-Паланке отряд полковника Энгельгардта, которому и удалось в ночь на 27 сент. уничтожить стоявшие там Т. суда. Известясь о том, Измаил-бей уже не решился двигаться из Калафата. Вскоре за тем смелый план Кутузова был приведен в исполнение: 1 окт. отряд генерала Маркова (5 т. пехоты, 2½ конницы, 38 орудий) переправился на правый берег Дуная и 2 окт., на

рассвете, внезапно атаковал остававшиеся там Т. войска, которые, поддавшись паническому страху, бежали частью в Руцук, частью к Разграду. Вслед за тем Марков, выставив на правом берегу, значительно командуя левым, свои батареи, стал громить лагерь визиря. Тогда визирь немедленно обратился к Кутузову с просьбой о перемирии, но, не дождавшись ответа, ночью переплыл на лодке в Руцук, передав начальство Чапану-паше. 3 окт. русская дунайская флотилия окончательно прервала сообщения с правым берегом, и остатки Т. армии за истощением всех припасов постановлены были в отчаянное положение. 10 и 11 окт. Туртукай и Силистрия заняты частями 15-й дивизии; в то же время и действия против Измаил-бея шли успешно и завершились отступлением его к Софии. Такое положение дел заставило наконец Порту склониться к миру.

5) *Первая Т. война Николая I (1828—29)*. Вооруженные силы Порты к весне 1828 г. не превышали 190 тыс. (из них лишь около 80 тыс. регулярных), разбросанных по всей европейской и азиатской ее территории; из флота сохранились только 10 судов, стоявших в Босфоре. С русской стороны назначены для действий в Европ. Турции три пехотные корпуса и 1 кавалерийский (всего до 100 тыс.) под главным начальством фельдмаршала гр. [Витгенштейна \(VI, 557\)](#); для войны же в Азиатской Турции назначена армия Паскевича (около 30 т.). Базисом действий

Витгенштейна избрана была Бессарабия; княжества же (сильно истощенные турецким хозяйничаньем и засухой 1827 г.) полагалось занять лишь для восстановления в них порядка и защиты от неприятельского вторжения, а также для охраны правого крыла армии на случай вмешательства Австрии. Витгенштейн, переправясь через Нижний Дунай, должен был двинуться на Варну и Шумлу, перейти Балканы и наступать к Константинополю; особый отряд должен был произвести десант у Анапы и по овладении ею присоединиться к главным силам. Кавказской армии указано вторгнуться в пределы Азиатской Турции. — 25 апр. 6-й пех. корпус вступил в княжества, и авангард его под начальством ген. [Гейсмара \(VIII, 261\)](#) направился в Мал. Валахию; 1 мая 7-й пех. корпус обложил крепость Браилов; 3-й пех. корпус должен был переправиться через Дунай между Измаилом и Рени, у д. Сатуново, но устройство гати через затопленную водой низину потребовало около месяца времени, в течение которого турки укрепили правый берег против места переправы, расположив на своей позиции до 10 тыс. войск. 27 мая утром началась в присутствии государя переправа русских войск на судах и лодках. Несмотря на жестокий огонь, они достигли правого берега, и когда передовые Т. окопы были взяты, то из остальных неприятель бежал. 30 мая сдалась крепость Исакча. Отделив отряды для обложения Мачина, Гирсова и Тульчи, главные силы 3-го корпуса 6 июня дошли до Карасу, авангард же их под начальством генерала [Ридигера \(XXVI, 688\)](#)

обложил Кюстенджи. Осада Браилова быстро подвигалась вперед, и начальник осадных войск, вел. кн. Михаил Павлович, спеша покончить с этим делом, дабы 7-й корпус мог присоединиться к 3-му, решился 3 июня штурмовать крепость; штурм был отбит, но когда через 3 дня после того последовала сдача Мачина, то комендант Браилова, видя себя отрезанным и лишившись надежды на помощь, тоже сдался (7 июня). Одновременно состоялась и морская экспедиция к Анапе. У Карасу 3-й корпус простоял целых 17 дней, так как за выделением гарнизонов в занятые крепости, а также других отрядов, в нем оставалось не более 20 т. Только с присоединением некоторых частей 7-го корпуса и с прибытием 4-го резервн. кавалерийского корпуса главные силы армии достигли бы 60 тыс.; но и этого не признавали достаточным для решительных действий, и в начале июня приказано было выступить из Малороссии на Дунай 2-му пех. корпусу (около 30 тыс.); кроме того, уже находились на пути к театру войны гвардейские полки (до 25 т.). — После падения Браилова 7-й корпус направлен был на соединение с 3-м; ген. Роту с двумя пехотными и одной конной бригадами приказано обложить Силистрию, а генералу Бороздину с шестью пехотными и четырьмя конными полками — охранять Валахию. Еще до выполнения всех этих распоряжений 3-й корпус двинулся на Базарджик, у которого, по полученным сведениям, собирались значительные Т. силы. Между 24 и 26 июня Базарджик был занят, после чего выдвинуты два авангарда:

Ридигера — к Козлудже и ген.-ад. гр. Сухтелена — к Варне, к которой направлен тоже отряд ген.-лейт. Ушакова из Тульчи. В первых числах июля к 3-му корпусу присоединился 7-й; но и соединенные силы их не превышали 40 тыс.; на содействие флота, стоявшего у Анапы, еще нельзя было рассчитывать; осадные парки частью находились у названной крепости, частью тянулись от Браилова. Между тем гарнизоны Шумлы и Варны постепенно усиливались; авангард Ридигера был постоянно тревожим турками, старавшимися прервать его сообщения с главными силами. Соображаясь с положением дел, гр. Витгенштейн решил ограничиться относительно Варны одним наблюдением (для чего назначен отряд Ушакова), с главными же силами двинуться к Шумле, постараться выманить сераскира из укрепленного лагеря и, разбив его, обратиться к осаде Варны. 8 июля главные силы подошли к Шумле и обложили ее с вост. стороны, сильно укрепившись в своих позициях, дабы прервать возможность сообщений с Варной. Решительные действия против Шумлы положено было отложить до прибытия гвардии. Однако главные силы наши вскоре сами очутились как бы в блокаде, так как в тылу их и на флангах неприятель развил партизанские действия, сильно затруднявшие прибытие транспортов и фуражировку. Между тем отряд Ушакова тоже не мог держаться против превосходного в силах гарнизона Варны и отступил к Дервенткию. Наконец в половине июля прибыл из-под Анапы к Коварне русский флот и, высадив

находившиеся на судах войска, направился к Варне, против которой и остановился. Начальник десантных войск кн. [Меншиков \(XIX, 104\)](#), присоединив к себе отряд Ушакова, 22 июля тоже подошел к названной крепости, обложил ее с С, а 6 августа начал осадные работы. Отряд ген. Рота, стоявший у Силистрии, не мог ничего предпринять по недостаточности сил и неимению осадной артиллерии. Под Шумлой дела тоже не подвигались, и хотя предпринятые 14 и 25 августа атаки турок были отражены, но это не повело ни к каким результатам. Гр. Витгенштейн хотел уже отступить к Ени-Базару, однако имп. Николай I, находившийся при армии, воспротивился этому. Вообще, к концу августа обстоятельства на европейском театре войны сложились для русских весьма неблагоприятно: осада Варны по слабости у ней наших сил не обещала успеха; в войсках, стоявших под Шумлой, свирепствовали болезни, а лошади масами падали от бескормицы; между тем дерзость Т. партизанов все увеличивалась. В это же время, по прибытии в Шумлу новых подкреплений, турки напали на г. Праводы, занятый отрядом ген.-ад. [Бенкендорфа \(III, 448\)](#), однако, были отбиты. Ген. Рот едва удерживал свои позиции у Силистрии, гарнизон которой тоже получил подкрепления. Ген. Корнилов, наблюдавший за Журжей, должен был отбиваться от нападений оттуда и из Рущука, где силы противника тоже возросли. Слабый отряд ген. Гейсмара (ок. 6 тыс.) хотя держался на своей позиции между Калафатом и Крайовой, но не мог

препятствовать Т. партиям вторгаться в сев.-зап. часть Малой Валахии. Неприятель, сосредоточив более 25 тыс. у Виддина и Калафата, усилил гарнизоны Рахова и Никополя. Таким образом, турки везде имели перевес в силах, но, к счастью, не воспользовались этим. Между тем, в половине августа к Нижн. Дунаю начал подходить гвардейский корпус, а за ним следовал 2-й пехотный. Последнему было приказано сменить у Силистрии отряд Рота, который затем притянут под Шумлу; гвардия же направлена к Варне. Для выручки этой крепости прибыл от р. Камчик 30 тыс. Т. корпус Омера-Врионе. Последовало несколько безрезультатных атак с той и другой стороны, а когда 29 сент. Варна сдалась (см. [Варна](#)), то Омер стал поспешно отступать, преследуемый отрядом принца [Евгения Вюртембергского \(XI, 413\)](#), и направился к Айдосу, куда еще ранее отошли войска визиря. Между тем гр. Витгенштейн продолжал стоять под Шумлой; войск у него, за выделением подкреплений к Варне и в другие отряды, оставалось всего около 15 тыс.; но в 20-х числах сент. к нему подошел 6-й корпус. Силистрия продолжала держаться, так как 2 корпус, не имея осадной артиллерии, не мог приступить к решительным действиям. Тем временем турки продолжали угрожать Малой Валахии; но блистательная победа, одержанная Гейсмаром у с. [Боелешти \(IV, 225\)](#), положила предел их попыткам. После падения Варны конечной целью кампании 1828 г. поставлено было покорение Силистрии, и к ней направлен 3-й корпус. Прочие

находившиеся под Шумлой войска должны были расположиться на зимовку в занятой части страны; гвардия же возвращалась в Россию. Однако и предприятие против Силистрии по оказавшемуся недостатку снарядов в осадной артиллерии не осуществилось, и крепость подверглась лишь 2-дневному бомбардированию. По отступлении русских войск от Шумлы визирь задумал опять овладеть Варной и 8 ноября двинулся к Праводам, но, встретив отпор занимавшего город отряда, возвратился в Шумлу. В январе 1829 г. сильный Т. отряд произвел набег в тыл расположения 6 корпуса, овладел Козлуджей и атаковал Базарджик, но там потерпел неудачу; а вслед за тем русские войска выгнали неприятеля из Козлуджи; в том же месяце взята была крепость Турно. Остальная часть зимы прошла спокойно. В Азиатской Турции в 1828 г. дела шли успешно: 23 июня взят был [Карс \(см.\)](#), а после временной приостановки военных действий вследствие появления чумы Паскевич 23 июля покорил крепость Ахалкалаки, а в начале августа подступил к Ахалцыху, который сдался 16 числа того же месяца. Затем крепости Ацхур и Ардаган сдались без сопротивления. В то же время отдельные русские отряды взяли Потти и Баязет. В течение зимы обе стороны деятельно готовились к возобновлению военных действий. К концу апреля 1829 г. Порта успела довести свои силы на европейском театре войны до 150 тыс. и, кроме того, могла рассчитывать на 40-тыс. албанское ополчение, собранное скутарийским пашей Мустафой. Этим силам

русские могли противопоставить не более 100 тыс. В Азии турки имели до 100 тыс. войска против 20 тыс. Паскевича. Только русский черноморский флот (ок. 60 судов разного ранга) имел решительное превосходство над турецким; да в Архипелаге крейсировала еще эскадра гр. Гейдена (35 судов). Назначенный на место Витгенштейна главнокомандующим, гр. [Дибич \(X, 569\)](#), деятельно принялся за пополнение армии и за устройство ее хозяйственной части. Задавшись целью перейти Балканы, он для обеспечения войск довольствием по ту сторону гор обратился к содействию флота и просил адмир. [Грейга \(IX, 606\)](#) овладеть какой-либо гаванью, удобной для доставки припасов. Выбор пал на Сизополь, который по взятии его был занят 3-тыс. русским гарнизоном. Предпринятая турками в конце марта попытка снова овладеть этим городом не имела успеха, а затем они ограничились блокадой его с сухого пути. Что касается Т. флота, то он в начале мая вышел из Босфора, однако, держался ближе к своим берегам; при этом два русских военные судна были нечаянно им окружены; из них одно сдалось, а другое, бриг «Меркурий» под начальством Козарского, успело отбиться от преследовавших его неприятельских кораблей и уйти. В конце мая эскадры Грейга и Гейдена приступили к блокаде проливов и прервали всякие подвозы морем к Константинополю. Между тем Дибич для обеспечения своего тыла перед движением за Балканы решил прежде всего овладеть Силистрией; но позднее наступление

весны задержало его, так что только в конце апреля он мог переправить за Дунай потребные для того силы. 7 мая начались осадные работы, а 9 перешли на прав. берег новые войска, доведшие силы осадного корпуса до 30 тыс. Около этого же времени и визирь Решид-паша открыл наступательные действия с целью возвратить Варну; однако после упорных дел с войсками ген. Рота у Ески-Арнаутлара и Правод турки опять отошли к Шумле. В половине мая визирь с главными своими силами опять двинулся к Варне. Получив о том известие, Дибич, оставив одну часть своих войск у Силистрии, с другой направился в тыл визирю. Этот маневр привел к разгрому (30 мая) Т. армии у д. [Кулевчи \(XVI, 953\)](#). Хотя после столь решительной победы можно было рассчитывать на овладение Шумлой, однако, предпочтено было ограничиться лишь наблюдением за ней. Между тем осада Силистрии шла успешно, и 18 июня крепость эта сдалась. Вслед за тем 3-й корпус направлен был к Шумле, остальные русские войска, предназначенные для забалканского похода, начали скрытно стягиваться к Девно и Праводам. Тем временем визирь, убежденный, что Дибич будет осаждать Шумлу, собирал туда войска откуда лишь было возможно — даже из балканских проходов и из прибрежных пунктов на Черном море. Русская армия, между тем, наступала к [Камчику \(XIV, 229\)](#) и после ряда боев как на этой реке, так и при дальнейшем движении в горах 6-й и 7-й корпуса, около половины июля, перешли Балканский хребет, овладев

попутно двумя крепостями, Мисеврия и Ахиоло, и важной гаванью Бургас. Успех этот, однако, омрачился сильным развитием болезней, от которых войска заметно таяли. Визирь узнал, наконец, куда направились главные силы русской армии и выслал подкрепление действовавшим против них пашам Абдурахману и Юсуфу; но уже было поздно: русские неудержимо шли вперед; 13 июля занят был ими г. Айдос, 14 Карнабат, а 31 Дибич атаковал сосредоточенный у г. Сливно 20 тыс. Т. корпус, разбил его и прервал сообщение Шумлы с Адрианополем. Хотя у главнокомандующего оставалось теперь под рукой не более 25 т., но ввиду дружественного расположения местного населения и полной деморализации Т. войск он решился двинуться к Адрианополю, рассчитывая одним своим появлением во второй столице Оттоманской империи принудить султана к миру. После усиленных переходов русская армия 7 авг. подошла к Адрианополю, и неожиданность ее прибытия так смутила начальника тамошнего гарнизона, что он предложил сдаться. На другой день часть русских войск была введена в город, где найдены большие запасы оружия и проч. На азиатском театре войны кампания 1829 г. открылась при тяжелой обстановке: жители занятых областей были ежеминутно готовы к мятежу; уже в конце февраля сильный Т. корпус обложил Ахалцых, а трапезунтский паша с 8 тыс. отрядом двинулся в Гурию для содействия вспыхнувшему там восстанию. Высланные Паскевичем отряды успели,

однако, прогнать турок от Ахалцыха и из Гурии. Но в половине мая неприятель предпринял наступательные действия в более обширных размерах: эрзерумский сераскир Гаджи-Салех, собрав до 70 тыс., решил идти на Карс; трапезунтский паша с 30 тыс. должен был снова вторгнуться в Гурию, а ванский паша — взять Баязет. Паскевич, уведомленный об этом, решился предупредить противника. Собрав около 18 тыс. при 70 орудиях, он перешел через Саганлугский горный хребет, 19 и 20 июня одержал победы над войсками Гакки-паши и Гаджи Салеха при урочищах Каинлы и Миллидют, а затем подступил к Эрзеруму, который сдался 27 июня. В то же время ванский паша после 2-дневных отчаянных приступов на Баязет был отбит, отступил, и полчища его рассеялись. Действия трапезунтского паши тоже были неудачны; русские войска уже находились на пути к Трапезунту и овладели крепостью Байбурт. Занятие Адрианополя и Эрзерума, тесная блокада проливов и внутренние неурядицы в Турции поколебали, наконец, упорство султана; в главную квартиру Дибича явились уполномоченные для переговоров о мире. Однако переговоры эти турками преднамеренно затягивались в расчете на помощь Англии и Австрии; а между тем армия русская все более и более таяла, и опасность грозила ей со всех сторон. Затруднительность положения еще возросла, когда skutарийский паша Мустафа, до тех пор уклонявшийся от участия в военных действиях, теперь повел на театр войны 40-тысячное албанское войско. В

половине августа он занял г. Софию и выдвинул авангард к Филиппополю. Дибич, однако, не смутился затруднительностью своего положения: он объявил Т. уполномоченным, что на получение окончательных инструкций дает им срок до 1 сентября, а если после того мир не будет заключен, то военные действия с нашей стороны возобновятся. Для подкрепления этих требований несколько отрядов направлено к Константинополю и установлена была связь между ними и эскадрами Грейга и Гейдена. Ген.-адъют. Киселеву, командовавшему русскими войсками в княжествах, послано приказание: оставив часть своих сил для охранения Валахии, с остальными перейти Дунай и двинуться против Мустафы. Наступление русских отрядов к Константинополю возымело свое действие: встревоженный султан упросил прусского посланника отправиться в качестве посредника к Дибичу. Доводы его, поддержанные письмами других послов, побудили главнокомандующего остановить движение войск к Т. столице. Затем уполномоченные Порты изъявили согласие на все предложенные им условия, и 2 сентября подписан был [Адрианопольский мир \(I, 192\)](#). Несмотря на то, Мустафа skutарийский продолжал свое наступление, и в начале сентября авангард его подошел к Хаскиюю, а оттуда двинулся к Демотике. Навстречу ему был послан 7-й корпус. Тем временем ген.-адъют. Киселев, переправившись через Дунай у Рахова, пошел к Габрову для действий во фланг албанцам, а отряд Гейсмара направлен через Орханиз,

чтобы угрожать тылу их. Разбив боковой отряд албанцев, Гейсмар в половине сентября занял Софию, а Мустафа, узнав о том, возвратился в Филиппополь. Здесь он оставался часть зимы, но после совершенного опустошения города и его окрестностей возвратился в Албанию. Отряды Киселева и Гейсмара уже в конце сентября отошли к Враце, а в начале ноября последние войска русской главной армии выступили из Адрианополя.

6) *Восточная война 1853—56 гг.* (см. [VII, 290](#)).

7) *Восточная война 1877—78 гг. Действия на европейском театре войны.* К началу войны готовы были для действий в Европ. Турции 7 армейских корпусов (по 2 пех. дивизии и 1 кавалерийская) с вспомогательными частями и вновь сформированными болгарскими дружинами. С присоединением румынских войск численность этой армии простиралась до 300 тыс. Главнокомандующим назначен вел. кн. [Николай Николаевич Старший \(XXI, 129\)](#). Турки в эту пору, по имевшимся у нас сведениям, могли собрать на Дунае около 186 т.; но зато на Черном море (где у нас было лишь ничтожное число военных судов) они безусловно господствовали, а их дунайская флотилия — значительной частью броненосная — могла оказаться важной помехой при переправе через эту реку. Для противодействия ей отправлено было на юг несколько яхт и баркасов, организована флотилия миноносок и на разных пунктах левого побережья Дуная заготовлены

склады мин. Немедленно по объявлении войны 4 русских корпуса (8-й, 9-й, 11-й и 12-й) вступили в Румынию; на всех важнейших пунктах Дунайского побережья приступлено к возведению батарей, а устье реки Серет заграждено минами. 10 мая окончено было развертывание частей передовой линии, расположившихся по лев. берегу Дуная начиная от с. Копочени до устья Ольты. Румынские войска по мере смены их русскими отходили в Мал. Валахию; придунайские батареи каждодневно усиливались и постепенно вооружались осадными орудиями. Со стороны неприятеля не было принято никаких мер для воспрепятствования движению русских войск в Румынию; переправе же через Дунай турки очень неумело пытались помешать главным образом своей флотилией. Часть судов они отделили к азиатским берегам и к устьям Дуная, Тульче и Браилову, а другую часть раскидали от Виддина до Гирлова мелкими отрядами, в распоряжение комендантов крепостей и без всякого единства в управлении. При всем том, суда эти могли явиться серьезной помехой при переправе, а потому нами устроены были по Дунаю, кроме батарей, еще минные заграждения, и уже вскоре русские миноноски стали полными хозяевами нижней части реки, от Гура-Яломицы до Килии. — 26 апр. в состав действующей армии включены были еще 4-й, 13-й и 14-й корпуса. Из них последний направлен к Галацу, на смену частей 11-го корпуса; 13-й к Александрии, а 4-му корпусу с 3-й стрелковой бригадой назначено составить

общий резерв армии. Появление русских войск на обширном (в несколько сот верст) протяжении лев. берега, устройство в разных пунктах сильных батарей и др. демонстрации — все это держало турок в полном недоумении относительно намеченного пункта переправы. Сильный разлив Дуная задерживал вторжение русских войск в Болгарию; однако главнокомандующий решил исполнить это не позже половины июня. Для отвлечения внимания турок от участка реки между Никоподем и Рущуком, к которому стягивались главные силы, приказано было начальнику 14-го корпуса генералу Цимерману переправиться через Нижн. Дунай не позже 10 июня. В ночь, предшествующую этому дню, бригада 18-й пех. дивизии переправилась на судах от окрестностей Гадаца к Буджакским высотам, узкой косой вдающимся здесь в низменность Дуная, и без особенного труда отбросила занимавшие их Т. отряды, которые затем отступили к Мачину. Получив о том известие, Т. начальник в Добрудже, Али-паша, приказал всем своим войскам отходить к Траянову валу. Переправа всего 14-го корпуса по мосту, наведенному у Браилова, вполне окончена была лишь по прошествии недели. В ночь на 15 июня совершилась переправа части главных сил у [Зимницы \(XII, 588\)](#), а к 21-му устроен был около этого пункта мост через Дунай. Немедленно по переправе главных сил от них был выделен передовой отряд (около 12 т.), вверенный начальству генерала [Гурко \(IX, 913\)](#), которому поручено овладеть проходами в

Балканах; за ним в виде частного резерва должен был следовать 8-й корпус генерала [Радецкого \(XXVI, 69\)](#); другой отряд, Руцукский (около 45 т.), под начальством наследника цесаревича, получил назначение наступать к Руцуку и постараться овладеть этою крепостью; 9-й корпус с Кавказской казачьей бригадой направлен на Никополь; 4-й корпус и часть 11-го назначались в общий резерв; другая же часть 11-го корпуса оставлена у Журжи. Турецкое правительство, встревоженное появлением наших войск на прав. берегу Дуная, послало приказание действовавшему против черногорцев Сулейману-паше отправить большую часть своей армии на присланных за ней судах в Македонию. Таким образом переправа русских главных сил через Дунай послужила и к спасению Черногории, находившейся почти в отчаянном положении. — 22 июня началось наступление русских передовых отрядов; 23-го был занят г. Бела на р. Янтре, а 25-го — г. Тырнов, и в тот же день полусотня донцов случайно зашла в Плевну, обезоружила бывшую там Т. роту, но потом удалилась. 9-й корпус подошел к Никополю 30 июня; в тот же день сам главнокомандующий приехал в Тырнов, и туда же прибыли головные части 8-го корпуса. Известия о быстром движении русских вперед вызвали усиленную деятельность Т. военного министерства: Абдул-Кериму, начальнику главных сил, расположенных в так наз. четырехугольнике крепостей (Руцук — Шумла — Варна — Силистрия), приказано перейти в наступление; за Балканами, в долине р.

Тунджи, сосредоточивалась армии Реуфа-паши; Сулейману послано приказание торопиться прибытием; войскам Мехмета-Али, стоявшим у границ Сербии, велено идти к Софии, а коменданту Никополя — послать часть гарнизона в Плевну; Осману-паше, начальствовавшему войсками в Виддине, велено оставить эту крепость и сблизиться с главными силами. Между тем русский передовой отряд, направленный к Балканам, исполнял возложенное на него поручение. Ген. Гурко, узнав, что Шипкинский перевал укреплен, решил обойти его с восточной стороны по ущелью Хаинбогаз, выходившему к дер. Хаинкиой, считавшемуся турками непроходимым для войск и потому никем не охраняемому. Ген. Гурко рассчитывал, что 5 июля подойдет к Шипке и атакует тамошний перевал с тыла, между тем как в тот же день последует и его атака с фронта, для чего по распоряжению главнокомандующего назначался Орловский пехотный полк. Однако вследствие местных затруднений, а равно и дел с турками (см. [Уфлани](#)) передовой отряд не подоспел к Шипке в назначенный день, и одиночная атака Орловского полка не удалась. 6 июля ген. Гурко попытался атаковать перевал с южной стороны, но тоже был отбит. К счастью, Реуф-паша, имевший возможность воспользоваться затруднительным положением передового отряда, оставался в бездействии. Между тем, командовавший Т. войсками на перевале Хулюсси-паша, видя себя угрожаемым с двух сторон, в ночь после отражения атаки ген. Гурко

бросил свою позицию и ушел горными дорогами по направлению на юго-зап. 7 июля позиция эта была занята Орловским полком; в тот же день казаки вступили в г. Ловчу; для занятия же Хаинкиоя послана была из Тырнова бригада 9-й пех. дивизии. Тем временем рущукский отряд, выжидая прибытия осадной артиллерии, довольно медленно подвигался на восток и к 7 июля занял наблюдательными постами левый берег р. Кара-Лом от Гюр-Чешлее до Ковачицы; в промежуток между ним и войсками Радецкого (в Тырнове) вступила 13-я кавалер. дивизия, части которой заняли г. Елену и с. Беброво. Между тем, 9-й корпус еще 4 июля взял крепость [Никополь \(XXI, 143\)](#), откуда, однако, 3 батальона успели уйти в Плевну, а часть гарнизона — в г. Рахово. После взятия Никополя командир 9-го корпуса ген. Криденер получил приказание послать отряд для занятия Плевны; но у этого города неожиданно встречено было нашими войсками препятствие, поведшее к весьма крупным осложнениям и затем совершенно изменившее обстановку дел на театре войны. Осман-паша, 1 июля оставивший Виддин, с большей частью своих войск быстро двинулся в восточном направлении и уже на рассвете 7 июля подошел к Плевне, занятой перед тем батальонами, ушедшими из Никополя. Хотя еще 5 июля русские разъезды за р. Вид доносили о движении сильной колонны от Рахова, но в главной квартире не обратили на это должного внимания. Отряд, высланный от 9 корпуса (около 7 тыс.) к Плевне, наткнулся на

далеко превосходящие его неприятельские силы и должен был отступить с большим уроном (ср. [Плевна](#)). Осман не преследовал его, а занялся укреплением своих позиций; по прибытии же подкреплений из Софии выслал отряд Рифата-паши к Ловче, которая и была 14 июля занята турками. Занимавшие Ловчу 4 казачьи сотня отошли в Сельви. Тем временем и за Балканами дела начали принимать другой оборот: войска Сулеймана (до 33 тыс.) уже с 7 июля стали высаживаться в гавани Деде-Агач на Эгейском море и оттуда направляться к Адрианополю. В русской главной квартире не придавали особенной важности неудачному бою 8 июля; однако ввиду близости Плевны к пункту нашей переправы решено было выбить Османа из его укрепленного лагеря — что возлагалось на войска ген. Криденера, усиленные частями 11-го и 4-го корпусов. Решение это отозвалось и на восточном фронте действий: наступление к Руцуку было приостановлено, тем более что получились известия о сосредоточении значительных турецких сил у Осман-Базара и можно было опасаться движения их на Тырнов. По соображениям главной квартиры приостановлены были на некоторое время и наступательные действия передового отряда, из которого лишь одна конница продолжала производить разведки в южном направлении; однако уже 16 июля ген. Гурко дано было разрешение действовать по собственному усмотрению, причем ему подчинялась и бригада 9-й пех. дивизии, стоявшая у Хаинкиоя. Между тем у турок дела стали

заметно поправляться: высадившиеся у Деде-Агача войска Сулеймана обеспечили Адрианополь; Осман бесперывно получал подкрепления; к Софии стягивались войска из Ниша и Новибазара; быстро формировались новые войсковые части. Все это вместе с известием о деле 8 июля под Плевной подняло дух неприятеля, и уже 9 июля сераскериат выработал план одновременного, с трех сторон, наступления на русских, с тем чтобы отбросить их за Дунай. Но для выполнения этой обширной военной операции недоставало главного условия: объединения власти на театре войны. Мехмет-Али (заменивший Абдул-Керима), Сулейман и Осман — каждый из них преследовал свои личные цели. Тем не менее, перевес в силах перешел теперь на сторону турок, которых русские превосходили лишь численностью конницы и артиллерии. С половины июля действия передового отряда за Балканами возобновились: ген. Гурко решил двинуться к Ени-Загре, разбить там войска Реуфа-паши и пресечь связь Сулеймана с Шумлой. Но в то же время и Сулейман перешел в наступление и, полагая, что главные силы ген. Гурко находятся у Ески-Загры, двинулся к этому городу, приказав следовать туда же Реуфу и Хулюсси-паше. Таким образом, 17 июля оба противника одновременно произвели фланговые марши в противоположных направлениях: русские — на юго-восток, турки на сев.-запад. Последовали бои у Карабунара, Ени-Загры, Джуранли, [Ески-Загры \(см.\)](#), и кончилось тем, что передовой отряд (кроме болгарского

ополчения и небольшой части казаков, ушедших на Шипкинский перевал) должен был отойти к Хаинкиюю. Одновременно с этим 18 июля последовала и вторая неудачная попытка овладеть Плевной (см. [Плевна](#)). Обстановка дел сразу изменилась: из наступательного положения главная армия наша должна была перейти в оборонительное и притом невыгодное. Русские войска были разбросаны в виде выгнутой к югу полудуги в 330 в., которой противник угрожал с 3 сторон и везде в значительно превосходящих силах. Кроме того, на нашем фронте образовались большие промежутки, которых нечем было заполнить за неимением общего резерва. В частности, опаснейшим для нас врагом являлся теперь Осман, войска которого были воодушевлены двукратным успехом и находились всего в 3 переходах от Систова. Ввиду этого главное внимание обратилось на Плевну; решено было ограничиваться до времени лишь удержанием занятого на театре войны района, возобновление же решительных действий отложить до прибытия подкреплений из России. 19 июля отданы были приказания: ген. Гурко отступить на северную сторону Балкан, ген. Радецкому удерживать линию Сельви — Шипка — Елена; рущукскому отряду занять оборонительные позиции на р. Лом; ген. Циммерману, занявшему линию Кюстенджи — Меджидие — Чернаводы, тоже держаться оборонительно. В тот же день император Александр II, все время находившийся при действующей армии, отдал повеление о мобилизации гвардейского корпуса, двух гренадерских,

двух пехотных и одной кавалерийской дивизий (всего около 110 тыс.); но так как прибытия их нельзя было ожидать в скором времени, то главнокомандующий просил князя румынского Карла перевести его войска через Дунай для совместных действий с русскими. 20 июля одна румынская дивизия была переправлена на правый берег у Никополя. Временно затруднительным положением главной армии неприятель не сумел воспользоваться, и более всего способствовало этому соперничество и несогласие между Сулейманом и Мехметом-Али, а также неимение точных сведений о силах русских отрядов. После второго боя под Плевной прошли 2 недели почти в полном бездействии. После разных видоизменений плана предстоявших военных действий, сераскериат послал 3 августа предписание Сулейману — овладеть Шипкинским проходом. 9 августа он атаковал русскую позицию на перевале и в течение 6 дней повторял атаки, но, будучи постоянно отражаем, перешел к обстреливанию позиции с трех сторон (см. [Шипка](#)). Между тем против нашего восточного фронта силы Мехмета-Али возросли до 100 тыс., и войска цесаревича (около 45 тыс., растянутых на 60 в.) в случае энергических действий с неприятельской стороны могли быть поставлены в очень опасное положение. Избегнуть этого удалось лишь благодаря нерешительности Т. полководца. Успехи турок после нескольких боев на Кара-Ломе (см. [Кацелево](#), [Кадыкиой](#), [Карахасанкиой](#)) ограничились лишь оттеснением наших передовых отрядов с правого берега

реки. После этого цесаревич отвел 13-й корпус за линию Банницкого Лома и этим сблизил его с 12-м корпусом, так что линия их расположения значительно сократилась и надежным образом прикрыла доступы к г. Бела; правое же крыло руцукского отряда и пути от Разграда и Ески-Джумы прикрывались расположенным у Чаиркиоя отрядом ген. Татищева (1 пехотная и 1 кавалерийская бригады). Со стороны Османа была только единственная наступательная попытка против русских позиций у д. Пелишат (см. [Плевна](#)); но по отражении ее он ограничился лишь усилением своих укреплений. Столь несогласные или вялые действия со стороны турок дали русской армии возможность за это время усилить себя подкреплениями (собственными и румынскими), численность коих в течение августа достигла 85 тыс. Это давало возможность вновь перейти к наступательным действиям, целью которых на первом плане поставлено овладение Плевной. Сюда стягивались все прибывавшие войска, за исключением некоторых частей, направленных в подкрепление отрядов цесаревича и Радецкого. К 25 августа собрано было под Плевной до 96 тыс. русских и румынских войск. Для обеспечения себя с южной стороны при предстоявших действиях против Османа решено было сначала овладеть Ловчей, и город этот был 22 августа атакован и взят отрядом кн. Имеретинского (см. [Ловча](#)). Правильная осада плевненского укрепленного лагеря грозила затянуться на долгое время, а потому решено было взять его штурмом, который и был произведен 30

августа, но не увенчался успехом и стоил огромных потерь (см. [Плевна](#)). Эта новая неудача произвела удручающее действие на большинство лиц главной квартиры, высказывавших, что необходимо отложить возобновление военных действий до следующей весны и даже отойти за Дунай; но имп. Александр II согласился с меньшинством, которое признавало, что именно теперь отступление совершенно немыслимо, а что надо, напротив, употребить все усилия для доведения дела до конца, выждать прибытия гвардии и гренадер и тесной блокадой принудить Османа к сдаче. Для руководства предстоявшими под Плевной операциями вызван был из Петербурга ген. [Тотлебен \(см.\)](#). На прочих фронтах до падения Плевны решено было держаться в строго оборонительном положении. С своей стороны Осман, предвидя, что может быть поставлен в совершенно изолированное положение, просил сераскериат о дозволении отступить к Балканам или же о присылке ему новых и сильных подкреплений. В первом ему было отказано, а для высылки подкреплений приступили к организации новой армии у Софии; кроме того, около г. Орхание учрежден склад запасов для доставки их плевненскому гарнизону. В то же время для отвлечения русских от Плевны Мехмету-Али приказано безотлагательно приступить к энергическому наступлению против рущукского отряда. Точному исполнению этого приказа опять помешали несогласия между Т. военачальниками: Сулейман отказался подкрепить Мехмета частью своих войск, а

последний не имел достаточно характера, чтобы заставить своих подчиненных не своевольничать. Все это повело к тому, что предпринятое в начале сентября наступление восточной Т. армии остановилось на правом берегу Баницкого Лома, в близком расстоянии от русских позиций. Предпринятая около того же времени (3 сентября) новая попытка Сулеймана овладеть Шипкинским перевалом опять кончилась неудачей. Бездеятельность Мехмета-Али дала время цесаревичу, на подкрепление коего успела прибыть 26-я пех. дивизия, усилить некоторые отделы своих позиций, а когда произведенная турками 9 сентября атака против отряда ген. Татищева, стоявшего у Чаиркиоя, была отражена, то Мехмет окончательно отказался от дальнейшего наступления и отвел свои войска опять за Кара-Лом. Вскоре за тем на его место назначен был Сулейман, от которого Т. правительство ожидало большей решительности. Во второй половине сентября стали подходить к Плевне части гвардейского корпуса, которые решено было направить на Софийское шоссе, служившее нитью сообщений Османа с войсками у Софии и Орханиэ; а в октябре, после падения укреплений [Горного Дубняка \(IX, 282\)](#) и [Телища \(см.\)](#), плевненский укрепленный лагерь был окончательно окружен русскими войсками. Между тем Сулейман, вопреки надеждам, которые на него возлагались турками, под разными предлогами уклонялся от возобновления наступательных действий. Таким образом, в течение 7 недель со времени 3 штурма

Плевны стратегическая обстановка на болгарском театре войны опять значительно изменилась, и превосходство сил склонилось на сторону русских. Когда получены были в главной квартире известия о формировании у Софии, Орхание и Златицы новой Т. армии, предназначенной для выручки Османа, то решено было упредить ее наступление, двинув против нее особый отряд из стоявших под Плевной войск. 2 и 3 ноября отряд этот (около 37 тыс.), вверенный начальству ген. Гурко, выступил по направлению к Орхание, а на занимаемые им позиции к 3 от Плевны вступили гренадеры. Одновременно с этим сербскому правительству было послано предложение возобновить военные действия и двинуться к Софии, как только отряд ген. Гурко перейдет Балканы. Наступление этого отряда, названного западным, шло успешно: после нескольких боевых схваток с турками (см. [Правец](#), [Этрополь](#), [Вратешка](#), [Орханийский перевал](#)) русские войска к вечеру 20 ноября уже прочно занимали горные позиции у софийского шоссе и до Злотицкого перевала; однако дальнейшее наступление их было приостановлено приказанием главнокомандующего, так как со дня на день ожидалась окончательная развязка дел под Плевной. Тем временем Сулейман наконец возобновил наступательные действия против нашего вост. фронта: 14 ноября произошло неудачное для турок сражение у [Мечки \(XIX, 225\)](#), а 22 — другая часть их войск после упорного боя взяла г. [Елену \(XI, 598\)](#); однако ожидаемого дальнейшего движения ее на

Тырнов не последовало. Хотя турки ограничились лишь занятием Златарицы, но и это представляло значительную для нас опасность, а потому против города этого направлен был отряд ген. Малахова, которому 24 ноября удалось выбить оттуда неприятеля. Вторичная атака русских позиций у Мечки и Трастеника, предпринятая Сулейманом 30 ноября, кончилась полной неудачей. Еще за два дня перед тем решилась наконец и участь Плевны: после тщетной попытки пробиться на 3 Осман принужден был положить оружие, и таким образом лучшая боевая сила турок перестала существовать. В отряде Радецкого за это время не происходило никаких важных событий; только 9 ноября ночью турки внезапно атаковали ключ позиции на Шипкинском перевале — гору св. Николая, но были отбиты. Гораздо более, чем от неприятеля, страдали наши стоявшие на горах войска от болезней, всевозможных лишений, а с половины ноября — от лютых морозов и снежных буранов. В Добрудже положение не изменилось. В Черногории дела турок шли весьма неудачно. После падения Плевны вся прикованная к ней русская армия получила возможность двинуться на поддержку своих передовых войск. Кроме того, сербы, дотеле воздерживавшиеся от военных действий, теперь открыто могли приступить к нам. Таким образом, к началу декабря численность всех действовавших против Турции войск (русских, румынских, черногорских и сербских) возросла уже до 450 тыс. Султан, узнав о плевненской катастрофе,

обратился к Англии с просьбой о посредничестве для заключения перемирия; вместе с тем Т. правительство решилось употребить все усилия для удержания за собой линии Балкан, рассчитывая, что если русским не удастся прорвать ее, то они явятся более уступчивыми в случае открытия переговоров. Наиболее важным признан был теперь в сераскериате район София — Златица; Сулейману приказано передвинуть туда большую часть его армии и самому принять там главное начальство. Передвижение это производилось с такой поспешностью, что уже в половине декабря передовые батальоны начали прибывать в Софию. Между тем в русской главной квартире обсуждался план дальнейших действий. При воодушевлении, охватившем всю армию, нечего было и думать о том, чтобы отложить возобновление кампании до весны; с другой стороны, наступившая суровая зима требовала скорейшего решения дела, так как положение войск, стоявших в горах, становилось едва выносимым. Решено было прорваться на южную сторону Балкан, где климатические условия были гораздо благоприятнее и где, кроме того, можно было рассчитывать на овладение обильными запасами продовольствия. Начало этой операции возложено было на западный отряд, значительно усиленный подкреплениями; после же перехода его через горы должен был спуститься на южную сторону Балкан и отряд Радецкого. Ген. Гурко, не атакуя стоявшие против него войска Шакира-паши, решил обойти их левое крыло, что при успешном

выполнении могло поставить их в безвыходное положение. Обходное движение началось 13 декабря, но вследствие невероятных трудностей движения через занесенные снегом или обледенелые горы окончилось лишь 18 числа. Между тем Шакир-паша, сознав опасность своего положения, скрытно снялся с позиции и повел свои войска к югу, на Петричев, прикрывшись арьергардом, расположенным около д. Ташкисен (см. [Орханийский перевал](#) и [Ташкисен](#)). Одну часть своего отряда ген. Гурко направил для преследования Шакира; другую — к западу, так как получено было известие о наступлении турок из Софии и о сражении под [Горним-Бугаровым \(IX, 281\)](#), где поставлен был в виде заслона отряд ген. Вельяминова. 23 декабря София была занята, а находившиеся там Т. войска поспешно отступили на юг. На другой день установлена была связь с сербскими войсками, которые дошли уже до Сливницы. В конце декабря преследование Шакира было приостановлено, так как войска наши спустились с гор налегке и надо было выждать прибытия далеко отставших обозов и парков. Между тем главнокомандующий, известясь о переходе зап. отряда через Балканы, приказал Радецкому начать 24 декабря наступательные действия против армии Весселя-паши, расположенной к Ю от Шипкинского перевала, а для развлечения внимания турок, командиру 13-го корпуса, ген. Деллингсгаузену — произвести демонстрацию к Ахмедли и Твардице; генералу же [Карцову \(XIV, 646\)](#), стоявшему с особым отрядом около Ловчи, — двинуться на Траянов перевал.

28 декабря военные операции у Шипкинского перевала завершились пленением армии Веселя-паши (ср. [Шипка](#) и [Шейново](#)), и этой победой исход войны был окончательно решен. Главнокомандующий положил безотлагательно идти на Адрианополь и сделал соответствующие распоряжения по всем отрядам; однако наступление русских войск сильно замедлялось их крайним утомлением и плохим состоянием дорог; к тому же турки, уходившие с возможной поспешностью, все-таки успели уничтожить мосты на р. Марице. Серьезное сопротивление оказали они войскам ген. Гурко лишь около Филиппополя, в окрестностях коего в течение 3, 4 и 5 января происходили упорные бои (см. [Филиппополь](#)); но последствием этих боев было то, что с прямого пути отступления на Адрианополь войска Сулеймана были отброшены и уклонились в Родопские горы, по переходе которых остатки их уже впоследствии были перевезены морем в Константинополь. — Наконец 8 января 1878 г. передовые части нашего авангарда вступили в Адрианополь без всякого сопротивления, и затем выдвинуты были оттуда конные отряды по направлению к В и Ю. С 14 янв. стали подходить к городу головы колонн ген. Гурко, а потом Радецкого, и прибыл сам главнокомандующий. Тем временем бывший руцукский отряд тоже начал наступление, почти не встречая сопротивления со стороны турок, отходивших к своим крепостям; 14 янв. занят был Разград, а 15 — Осман-Базар. Войска 14-го корпуса, действовавшие в

Добрудже, 15 января заняли Хаджи-Оглу-Базарджик, сильно укрепленный, но тоже очищенный турками. — Между тем, еще во время пребывания главнокомандующего в г. Казанлыке (куда он перебрался после победы при Шейнове) туда приехали Т. уполномоченные для переговоров о мире. Переговоры эти продолжались и в Адрианополе, но сильно затянулись вследствие вмешательства Англии. Британское правительство, встревоженное последними быстрыми успехами русских, послало приказание стоявшей в Безикской бухте эскадре адмирала Горнби вступить в Дарданеллы (под предлогом охранения англ. подданных и их имуществ) и вместе с тем потребовало дополнительного кредита на вооружение. На это русское правительство ответило сформированием новых 4-х резервных дивизий, а наши передовые войска поспешили наступлением к преграждавшей доступ к Константинополю укрепленной линии Буюк — Чекмеджи — Деркос, отстоящей всего на 35 вер. от столицы. Наконец 19 января подписаны были в Адрианополе предварительные условия мира и заключено перемирие с определением демаркационных линий для обеих воюющих сторон. Вскоре, однако, возникли новые и серьезные осложнения. Основные условия мира оказались не соответствующими преувеличенным притязаниям румын и сербов, а главное — возбудили сильные опасения Англии и Австрии. Британское правительство потребовало новых кредитов для мобилизации части своей армии, а 1

февраля адмирал Горнби с большей частью своей эскадры вошел в Дарданеллы и стал на якорю у Принцевых о-вов. В ответ на это главнокомандующий на другой же день двинул войска к Т. демаркационной линии. Вместе с тем русское правительство объявило, что ввиду действий Англии предполагается занять частью войск Константинополь для охранения тамошнего христианского населения. Это побудило англичан к сговорчивости, и 4 февраля последовало соглашение, согласно которому эскадра Горнби должна была отойти на 100 км от Константинополя, а русские обязывались возвратиться за свою демаркационную линию. В начале февраля сданы были турками крепости: Руцук, Силистрия, Виддин и Белградчик (последние две — румынам). — При всем том, положение дел продолжало оставаться весьма сомнительным. Султан, все более подчиняясь требованиям русск. правительства, согласился под предлогом облегчения переговоров на перемещение главной квартиры армии в Сан-Стефано (всего в 10 вер. от столицы); Т. войска отведены были к самому Константинополю, а русские заняли их прежние позиции на демаркационной линии. Тогда Горнби опять подошел к Принцевым о-вам, а британское правительство сделало распоряжение о мобилизации целого корпуса войск, стягивающегося на о-в Мальту, куда передвинута и часть англ. эскадры из Ла-Манша. Ответом на эту угрозу было высочайшее повеление (17 февр.) о сформировании еще 4 резервных дивизий. —

Наконец 19 февр. 1878 г. подписан был прелиминарный мирный договор с Турцией в [Сан-Стефано \(XXVIII, 375\)](#). Условия этого договора не только встревожили Англию и Австрию, но возбудили сильное неудовольствие румын и сербов. Австрия потребовала созыва европ. конгресса, который бы обсудил Сан-Стефанский договор, и Англия поддержала это требование. Оба государства приступили к военным приготовлениям, что вызвало и с русской стороны новые меры для противодействия угрожающей опасности: сформированы были новые сухопутные и морские части, Балтийское побережье приготовлено к обороне, формировалась обсервационная армия у Киева и Луцка. Для воздействия на Румынию, ставшую в открыто враждебное к нам положение, переведен был туда 11-й корпус, который и занял Бухарест, после чего румынские войска отошли в Малую Валахию. — Все эти политические усложнения ободрили турок, и они начали готовиться к возобновлению войны: укрепления у Константинополя усиливались, и туда стягивались все оставшиеся свободными войска; Т. и английские эмиссары возбуждали и организовали восстание мусульман в Родопских горах, надеясь отвлечь туда часть русских войск. Такие обострившиеся отношения продолжались до конца апреля, когда в дело непосредственно вмешался берлинский кабинет с целью уладить возникшие столкновения политических интересов. Император Александр II, искренне желавший избежать новой войны, согласился на

посредничество Германии. 1 июня открылись в Берлине заседания конгресса под председательством кн. [Бисмарка \(III, 924\)](#), а 1 июля подписан Берлинский трактат (см.), радикально изменивший Сан-Стефанский договор, преимущественно в пользу Австро-Венгрии. По окончании конгресса турки очистили Варну и Шумлу, а в начале августа началась посадка русских войск на суда (в Сан-Стефано, Эриклии, Родосто и Бургасе) для возвращения в отечество. Вслед за тем выступили из Румынии находившиеся там войсковые части. Для оккупации Болгарии и Вост. Румелии оставлено было в распоряжение императорского комиссара 186 батальонов, 130 эскадронов и сотен и 86 батарей, которые оставались там до начала лета 1879 г.

Действия на азиатском театре войны. — Русские войска, собранные на границах Азиатской Турции, в начале апреля 1877 г. занимали следующее расположение: главные силы — до 30 тыс. — стояли у Александрополя; ахалцыхский отряд (до 7 тыс.) ген.-лейт. [Девеля \(X, 240\)](#) — у Алхалкалак; эриванский отряд (до 11½ тыс.) ген.-лейт. [Тергукасова \(см.\)](#) — у Игдыря. Эти войска состояли под главным начальством ген.-ад. [Лорис-Меликова \(XVIII, 15\)](#). Кроме того, особый кобулетский отряд ген.-майора Оклобжио находился у Озургет, имея незначительные посты по Черноморскому побережью. — Главнокомандующий Т. силами в Малой Азии [Мухтар-паша \(XX, 249\)](#) ко дню объявления войны имел в своем распоряжении всего 25

—30 тыс., считая и гарнизоны крепостей; но сверх того в Батуме находилось почти такое же число войск под начальством Дервиша-паши. 12 апр. с русской стороны открылось наступление на всех фронтах: главные силы небольшими переходами подвигались к Карсу и 16 апреля сосредоточились на позиции у Енгикея. Мухтар еще накануне ушел из крепости, имея при себе 7 батальонов и, отступая перед посланными на разведки русскими конными отрядами, успел уйти за Саганлугский горный хребет. — Между тем Девель приблизился к Ардагану, который оказался столь сильно укрепленным, что для содействия к овладению им отделена была часть главных сил, вверенная начальству ген. [Геймана \(VIII, 253\)](#). 5 мая взят [Ардаган \(II, 46\)](#), где оставлен отряд полк. Комарова, и этим пресечено было прямое сообщение Батума с Карсом. Тем временем кобулетский отряд, наступая от Озургет к Батуму, 14 апреля занял высоты Муха-Эстате, а 29 — высоты Хуцубани. — Положение Мухтара в это время было трудное: в непосредственном распоряжении его находилось лишь около 12½ тыс., расположенных у Зевина и в Алашкертской долине и составлявших единственное прикрытие важнейшего пункта — Эрзерума. Но с половины мая к туркам стали подходить подкрепления, и к концу месяца они имели на линии Ольты — Зевин — Делибаба уже около 30 тыс. — С русской стороны после взятия Ардагана главные силы сосредоточились к 12 мая на сев.-вост. стороне Карса. Для установления блокады крепости в ожидании

прибытия осадной артиллерии, а также ввиду настойчивых слухов о предстоявшем наступлении Мухтара наши войска разделены были на 2 отряда: один отряд, под начальством Девеля, оставлен под Карсом; другой, Геймана, должен был двинуться за Саганлуг, дабы воспрепятствовать наступлению Мухтара к Карсу и, если возможно, разбить его и тем оказать содействие Тергукасову, наступавшему по Алашкертской долине и находившемуся в это время в совершенно изолированном положении. Отряд последнего (эриванский), так же как и прочие, 12 апр. перешел границу, а 17-го передовые казаки его подошли к Баязету, откуда Т. гарнизон при появлении их отступил к Вану. Затем Тергукасов занял Сурп-Оганес; но ход событий под Ардагоном и Карсом принудил его оставаться в выжидательном положении до 22 мая, а это дало начальнику Т. ванского отряда, Фаику-паше, возможность собрать и организовать свое ополчение. Наконец 22 мая Тергукасов, получив от Лорис-Меликова приказание привлечь на себя внимание Мухтара, двинулся вперед по Алашкертской долине и 29 мая занял Зейдекэн. Но здесь за оставлением значительной части своих сил на сообщениях у него оказалось под рукой всего 7 тыс. — Между тем опасность стала ему угрожать с тыла, так как Фаик-паша перешел в наступление и 2 июня находился уже в одном переходе от Баязета. Победа, одержанная Тергукасовым 4 июня над войсками прав. крыла армии Мухтара на [Драм-даге \(XI, 102\)](#), не имела важного

значения, потому что Мухтар, в это время еще не угрожаемый с фронта, мог снова усилить свое правое крыло. Между тем уже с 6 июня Баязетская цитадель, занятая малочисленным русским гарнизоном, была окружена войсками Фаика (ср. [Баязет](#)). К счастью, последний не воспользовался беззащитностью русской границы и не вторгся в Эриванскую губ., где в это время оставались всего 2 роты. — Тергукасов после боя 4 июня расположился у с. Даяр и здесь 9 числа был атакован главными силами Мухтара, но успешно отразил их (ср. [Даяр](#)). Повторить атаку воспрепятствовало Мухтару известие о наступлении русских из-под Карса к Саганлугу, и он, отступив к Делибабе, принял выжидательное положение; с своей стороны Тергукасов отошел на Драм-даг и здесь тоже решил выждать развития операций колонны Геймана, о приближении коего он был уведомлен. — Вскоре за тем положение дел приняло неблагоприятный для русских оборот: 19 июня произошел несчастный бой при [Зевине](#) ([XII, 375](#)), давший на довольно продолжительное время другой характер всему ходу кампании. Приближение к Карсу весьма значительных сил Мухтара (35 батальонов, 2 тыс. конницы, 32 орудия) заставило Лорис-Меликова снять блокаду крепости и опять отступить к Енгикею. — Между тем Мухтар, предприняв движение к Карсу, отделил для действий против эриванского отряда 12 баталионов под начальством Измаила-паши; однако Тергукасов, очутившийся теперь в весьма критическом положении,

успел благополучно уйти от наседавшего на него неприятеля. 25 июня он был уже в русских пределах, а через 2 дня двинулся к Баязету, разбил окружавших цитадель турок и, присоединив к себе вырученный гарнизон, отступил к своей первой позиции у Игдыря. Тем временем Измаил-паша, остановившись у Диадина, некоторое время простоял в бездействии, а затем, присоединив к себе разбитые войска Фаика, занял Баязет, выдвинув авангард к Гюль-тепе. — Мухтар, послав ему приказание вторгнуться в Эриванскую губ., с своей стороны, 2 июля начал наступление по направлению на Александрополь, и армия его (53 батальона, 42 эскадрона, 56 орудий) заняла позиции на Аладжинских высотах (см. [Аладжа](#)) от д. Визинкёв до горы Инах-тепеси. 3 июля русские главные силы отступили к Кюрюк-дара и Паргету, выставив авангард у Башкадыклара. Вслед за тем на этом районе театра войны наступило продолжительное бездействие, вызванное тем, что обе стороны выжидали прибытия подкреплений. Между тем Тергукасов, вынужденный разбросать свои силы для обороны линии около 70 в. против отрядов Измаила и Фаика, наконец, после нескольких нерешительных дел с противником, сосредоточил большую часть своих войск у Игдыря. На подкрепление ему послан был от главных сил отряд под начальством ген. Цитовича; к главным же силам взамен того притянута большая часть войск из Ардагана. — К началу августа стали подходить из России первые эшелоны 40-й пех. дивизии, и Тергукасову послано

было еще 5 батальонов, а затем еще новый отряд под начальством Девеля. Последний, однако, еще на дороге получил приказание возвратиться вследствие неблагоприятной перемены обстоятельств перед фронтом главных сил. Дело в том, что передовой пункт русской позиции — гора Кизыль-тапа — в ночь на 13 августа была неожиданно атакована и взята турками, и выбить их оттуда не удалось. За этим частным успехом не последовало, однако, общего наступления противника; Мухтар ограничился выдвинутением вперед своего центра и правого крыла, сосредоточив главную массу своих сил между д. Хаджи-валю и горой Инак. После этого он опять довольно долгое время оставался в бездействии. Измаил же тем временем несколько раз предпринимал атаки на позицию Тергукасова, но не имел успеха. — Наконец к 20 сент., по прибытии 1-й гренад. дивизии, все ожидавшиеся из России подкрепления были налицо, и Лорис-Меликов имел теперь под рукой 60 батальонов, 96 эскадронов и сотен и 240 орудий. Эти силы признаны были достаточными для решительной атаки укрепленной позиции Мухтара. В течение 20, 21 и 22 сент. произведен был ряд атак на Аладжинские высоты; правое крыло наше выдвинулось вперед, а в ночь на 27 турки отошли с своих передовых позиций и заняли расположение, какое имели до 13 авг. — Оставленные неприятелем позиции были немедленно заняты русскими войсками, а чтобы не допустить Мухтара безнаказанно отступить в Карс, выработан был новый план атаки. Обходная колонна,

порученная ген. [Лазареву \(XVII, 248\)](#), должна была через Дигор выйти на сообщение турок, остальным же войскам одновременно атаковать их с фронта. 2 окт. Лазарев овладел высотами в тылу неприятеля, а сражение 3 октября довершило полный разгром армии Мухтара, которой только расстроенные остатки успели бежать в Карс. Сам Мухтар с некоторыми батальонами на другое же утро ушел из Карса к Зевину; но гарнизон крепости приготовился к энергической обороне. — Вслед за тем русские главные силы были разделены на 2 отряда: один — Лазарева — назначен для блокады Карса, другой — Геймана — для охранения страны между Карсом и Саганлугом. Тергукасову приказано неотступно преследовать Измаила (которому Мухтар велел присоединиться к нему для прикрытия путей на Эрзерум), и для содействия ему направлена была часть отряда Геймана. Отступление Измаила шло, однако, так поспешно, что он далеко ушел от эриванского отряда и 15 окт. успел соединиться с Мухтаром у Кёприкея. В тот же день Гейман занял Хоросан, а 21 окт. у Гасан-кала соединился с Тергукасовым. 23 Мухтар был ими атакован и разбит на позиции у [Деве-бойну \(X, 239\)](#). Когда бежавшие в беспорядке Т. войска появились в Эрзеруме, то жители его, ожидая немедленного прибытия русских, уже стали готовиться встретить их с покорностью. Однако Гейман не счел возможным преследовать неприятеля ночью по совершенно незнакомой местности. Только после 24 числа, когда турки уже несколько опомнились, он подошел к

Эрзеруму и предложил коменданту сдаться. Предложение было отвергнуто, и собравшиеся в крепости Т. солдаты, приведенные уже в некоторый порядок и распределенные по фортам, изготовились к отпору. — 27 окт. Гейман сделал новое предложение сдачи и, когда оно было также отвергнуто, в следующую же ночь попытался на штурм, но был отбит (см. [Эрзерум](#)). Эта неудача поставила русские войска в необходимость или оставаться на зиму перед крепостью, в самых неблагоприятных условиях, или же отступить, т. е. потерять приобретенные уже выгоды. Остановились на первом решении. Отступил к Алашкерту только эриванский отряд; прочие же войска расположились на открытой Пассинской равнине, кроме одной пех. бригады с 3 батареями, оставленными на Деве-бойну. — Между тем отряд Лазарева, подошедший к Карсу, 13 окт. приступил к осадным работам, а 6 нояб. крепость была уже в русских руках (см. [Карс](#)). После этого важного события главной целью действий представился Эрзерум, где укрывались остатки неприятельской армии и собраны были средства для формирования новых войск. Но тут союзниками турок явились наступившие холода и крайняя затруднительность доставки по горным дорогам всякого рода запасов. В стоявших перед крепостью войсках болезни и смертность достигли ужасающих размеров. Наконец 21 янв. 1878 г. заключено было перемирие, по условиям которого Эрзерум 11 февр. передан русским войскам. — Во

время военных операций у Аладжи и под Карсом ардаганский отряд имел назначением охранять спокойствие в окрестностях Ардагана. После падения Карса отряд этот был усилен и начальнику его, полковнику Комарову, приказано двинуться к Арданучу и Артвину для утверждения русского влияния в долине р. Чорох и для облегчения предполагавшейся операции против Батума. Выделенные для этого войска, начав движение 2 дек., заняли Ардануч, а 9 дек. разбили турецкий отряд на позиции у Долис-Хана. Весть о перемирии остановила их у Артвина. Кобулетский отряд, около середины июня уменьшенный в своем составе, получил строго оборонительное назначение и укрепился на Муха-Эстате, а стоявшие против него неприятельские войска заняли высоты Хуцубани. 1 и 12 авг. они пытались сбить наш отряд с его позиции, но оба раза не имели успеха. 15 нояб. Дервиш-паша отвел свои войска за р. Кинтриши и остановился на высотах Цихидзири. 18 янв. кобулетский отряд атаковал его, но был отражен, а 22 получено известие о заключении перемирия. Восточное побережье Черного моря тоже вошло в район военных действий, и здесь турки благодаря господству их флота могли распоряжаться почти беспрепятственно, так как прибрежных укрепленных пунктов не существовало. Для противодействия неприятельским десантам и поддержания спокойствия в стране находились лишь незначительные отряды в Туапсе, Сухуме, Потии и на посту св. Николая. 30 апр. до 1000 горцев (из числа

эмигрантов 60-х годов) высадились у сел. Гудауты в Абхазии и возбудили волнения в местном населении, которому турецкие агенты щедро раздавали оружие. 1 мая турецкая эскадра из 6 судов появилась перед Сухумом, и начальник тамошнего отряда, полк. Кравченко, признав невозможность держаться, отступил к селу Ольгинскому. После двухдневного бомбардирования города новые толпы горцев высадились у Сухума и у д. Очемчиры, после чего Кравченко отошел еще далее, за р. Кодор. Таким образом вся прибрежная полоса, от мыса Адлер до Кодора, очутилась во власти возмущившегося населения, поддерживаемого турецкими войсками, занявшими Сухум. Тогда для восстановления русской власти двинут был к Кодору отряд ген. Алхазова, который, присоединив к себе войска полк. Кравченко, 15 июня атаковал горцев у с. Очемчиры; но неприятель при содействии турецкого флота отбил эту атаку. Затем еще 2 отряда, полк. Шелковникова и ген.-майора Бабича (из Кубанской области), направлены были к Сухуму. Туда же двинулся и ген. Алхазов, который, нанеся ряд поражений скопищам мятежников, 16 авг. подошел к Сухуму почти одновременно с Бабичем и Шелковниковым. Через 3 дня турки без боя очистили город и удалились на свои суда; волнения же в Абхазии вскоре прекратились. Временное занятие Черноморского побережья неприятелем отразилось, однако, на Чечне и Дагестане, где тоже вспыхнули восстания, вследствие чего внутри Кавказа задержаны

были 2 пех. дивизии. На море ввиду ничтожности средств немислима была, конечно, открытая борьба с турецким флотом. Действия здесь ограничились отважными нападениями наших миноносных катеров на неприятельские суда в Сухумском и Батумском рейдах (12 авг., 16 дек. и 13 янв.), при чем атакованные суда были или уничтожены, или сильно повреждены. Кроме того, пароходу «Россия» удалось 13 янв. захватить турецкий пароход с батальоном солдат и запасами продовольствия. И. О.

-
1. ↑ Из этого общего очерка выделены дальше истории некоторых отдельных войн, имеющих более важное значение.

Об этом электронном издании

Эта книга из [Викитеки](#)^[1] — цифровой библиотеки, созданной добровольцами и включающей издания всех типов: прозы, стихов, журналов, писем...

Книги библиотеки доступны бесплатно. В библиотеку включаются издания, находящиеся в народном достоянии, а также опубликованные со свободной лицензией. Вы вправе использовать эту электронную книгу в любых целях (включая коммерческую) при условии соблюдения лицензии [CC BY-SA 4.0](#)^[2] или [GNU FDL](#)^[3] на ваш выбор.

Викитека приветствует новых участников. При создании этой книги мы могли сделать ошибки. Вы можете сообщить о них на [этой странице](#)^[4].

Следующие участники внесли вклад в редакцию этой книги:

- Lozman
- HinoteBot
- Yuri V.
- シリヨガ
- SealMan11
- Badger M.

1. [↑](http://wikisource.org) <http://wikisource.org>
2. [↑](http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0) <http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0>
3. [↑](http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html) <http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html>
4. [↑](https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум) <https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум>